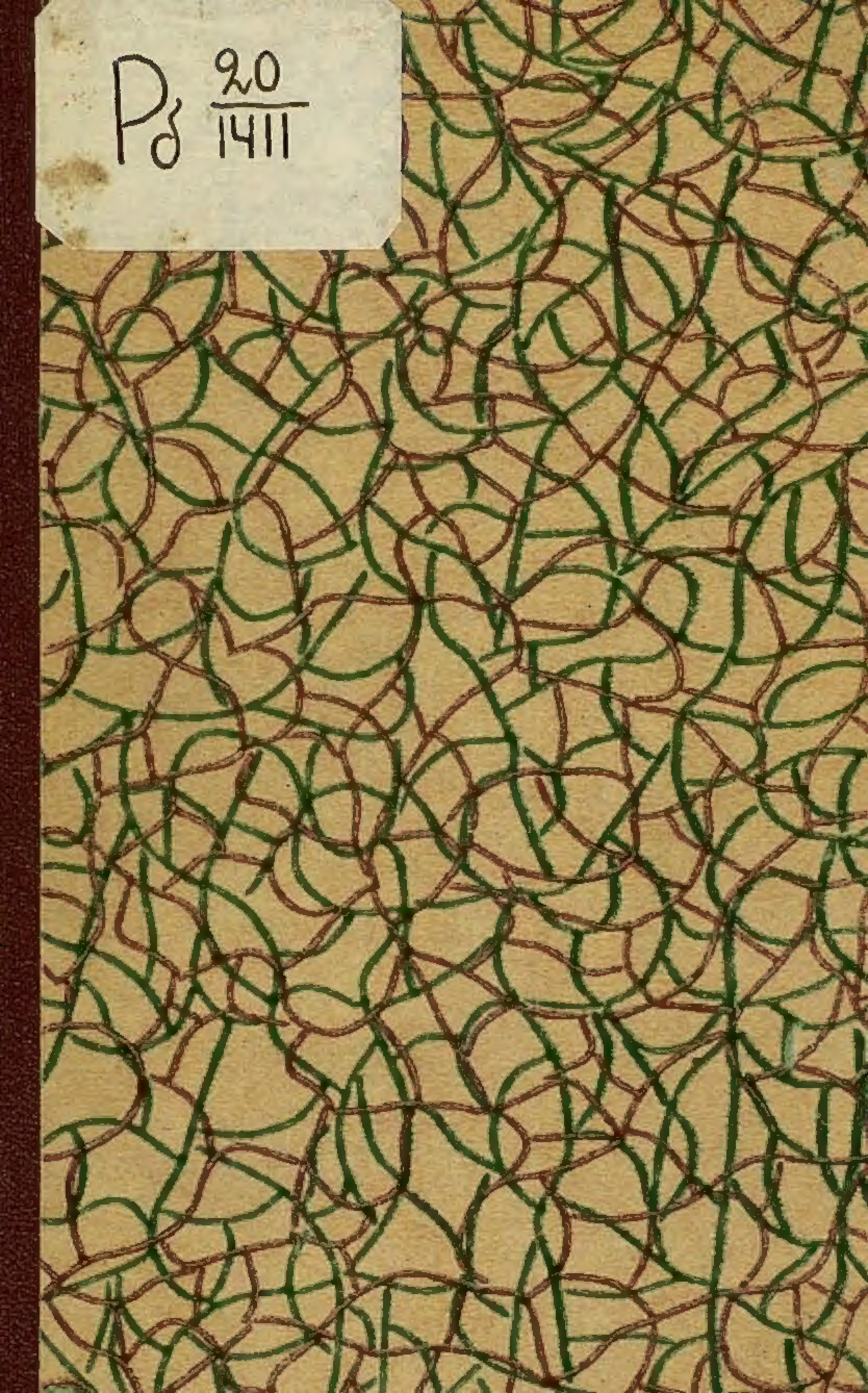

Pg 20/1411

MOUVEMENT DES ETUDIANTS
Recueil sous la rédaction de V. Tchertkoff
Prix 1 fr.: 10 d.; 20 cts.; 80 pf.; 40 коп.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

1899 года.

Сборникъ

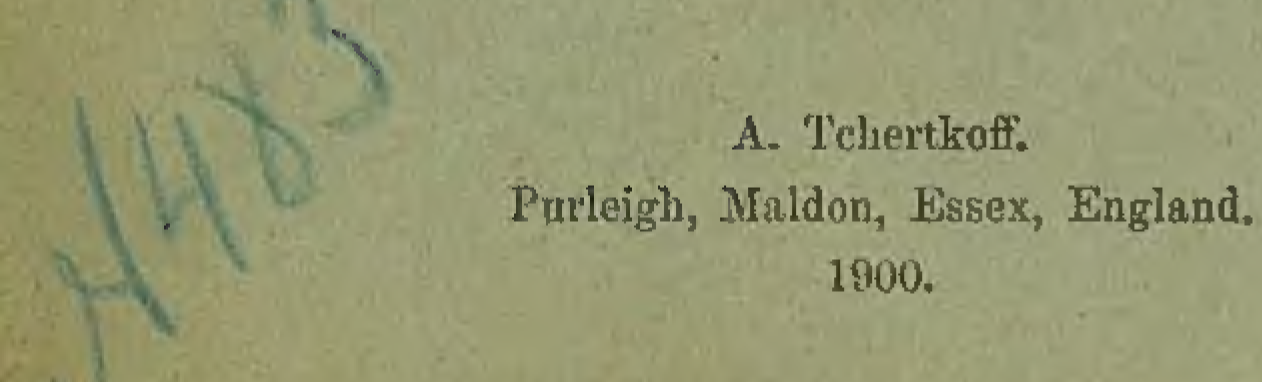
подъ редакціей

А. и В. ЧЕРТКОВЫХЪ.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Второе изданіе „Свободнаго Слова".

№ 29.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1900.

MOUVEMENT DES ETUDIANTS
Recueil sous la rédaction de V. Tchertkoff
Prix 1 fr.; 10 d.; 20 cts.; 80 pf.; 40 коп.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

1899 года.

Сборникъ

под редакціей

А. и В. ЧЕРТКОВЫХЪ.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Второе изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 29.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1900.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ
БОРЬБЫ ЗА ИСТИНУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

2007043174

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя студенческое движеніе начала нынѣшняго года теперь уже дѣло прошлаго, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшились издать отдѣльной книжкой доставленныя намъ по этому дѣлу матеріалъ, такъ какъ видимъ въ этомъ движеніи столько выдающагося, поучительнаго и отраднаго, что намъ хотѣлось бы сохранить правдивое повѣствованіе объ этомъ событіи для тѣхъ, кому не пришлось быть его участниками или очевидцами.

Главное содержаніе издаваемой нами брошюры, какъ читатель увидитъ, состоитъ изъ присланныхъ намъ изъ Россіи сообщеній и статей, написанныхъ съ точки зрѣнія тѣхъ, которые намъ ихъ доставили. Нѣкоторые выраженные въ этихъ статьяхъ взгляды не вполнѣ совпадаютъ съ нашими, вслѣдствіе различія точекъ зрѣнія; но мы охотно предоставляемъ слово нашимъ корреспондентамъ, такъ какъ задаемся цѣлью не навязывать во что бы то ни стало читателямъ наши личныя мнѣнія, а — служить органомъ для преданія гласности всякаго искренняго и честнаго слова, не могущаго быть печатно высказываемымъ въ Россіи и не противорѣчащаго по существу тому, что̀ мы считаемъ справедливымъ.

Со своей же стороны, мы въ заключительной статьѣ излагаемъ наше собственное отношеніе къ описаннымъ здѣсь событіямъ.

В. Ч.

I.

СООБЩЕНІЕ СТУДЕНТОВЪ,

участвовавшихъ въ движеніи.

Предлагаемыя читателямъ свѣдѣнія отнюдь не исчерпываютъ всего количества матеріаловъ, созданныхъ студенческимъ движеніемъ.

Мы выбрали только то, что̀ по нашему усмотрѣнію ярче всего уясняетъ смыслъ движенія, обрисовываетъ его цѣли, уясняетъ требованія студенчества.

Грандіозность студенческаго движенія гонитъ отъ насъ мысль, что тутъ передъ нами вспышка, не имѣющая глубокаго смысла. Мы видѣли, какъ недавно забастовали почти всѣ высшія учебныя заведенія Россійской имперіи.

Эта картина невольно заставляетъ поглубже задуматься надъ движеніемъ, поискать причины серьезной. Съ нашей статьей мы и хотимъ прійти на помощь читателямъ, желающимъ уяснить себѣ смыслъ движенія. Мы хотимъ главнымъ образомъ помочь читателю выяснить причины всего движенія. Причины его найти не трудно, особенно тому, кто такъ или иначе знакомъ съ университетскимъ режимомъ нашихъ дней.

Положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, созданное реакціей послѣднихъ лѣтъ, поистинѣ ужасно. Со времени введенія нынѣ дѣйствующаго устава 84-го года полицейскій режимъ все наглѣе и наглѣе сталъ налагать свою руку на высшія учебныя заведенія.

Вмѣсто того минимума правъ, какимъ пользовалось студенчество по уставу 63-го г., воцарился теперь грубый произволъ, у студентовъ-же нѣтъ никакихъ средствъ бороться хотя бы съ полнѣйшимъ беззаконіемъ, ибо за ними не признано права коллективныхъ дѣйствій, и даже больше — всякія коллективныя дѣйствія строжайше запрещены; этимъ самымъ у нихъ отрѣзанъ путь мирной борьбы противъ насилій посредствомъ разныхъ петицій, жалобъ, адресовъ.

Прошлое поколѣніе видѣло надвигающіяся и все болѣе и болѣе сгущающіяся тучи надъ нашими храмами науки, надъ нашей alma mater; намъ же досталось на долю, на порогѣ XX-го вѣка, увидѣть апогей этой зловѣщей реакціи, апогей ничѣмъ несмягчаемаго полицейскаго произвола. 8-го февраля студенты Петербургскаго Университета были нагло избиты нагайками. На ряду, однако, съ ростомъ реакціи росло и недовольство

режимомъ, зрѣли тѣ сѣмена, изъ которыхъ и выросло нынѣшнее движеніе, и мы видѣли, какіе размѣры приняло оно.

Это не минутная вспышка оскорбленнаго чувства достоинства, это протестъ сознательный, глубокій по своей идеѣ, великій по своему размѣру и значенію.

Безпримѣрный фактъ 8-го февраля послужилъ только поводомъ для заявленія глубокаго протеста со стороны студенчества противъ дикаго, все растущаго полицейскаго режима въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, принижающаго до послѣдней степени человѣческую личность, — поводомъ заявленія открыто передъ правительствомъ и обществомъ назрѣвшихъ для студенчества требованій.

Вѣсть о протестѣ смѣломъ и честномъ пусть несется по всѣмъ концамъ Русскаго царства: мы твердо увѣрены, что среди лучшей части нашего общества этотъ симпатичный протестъ противъ скотской приниженности найдетъ задушевный откликъ, и увѣрены, что если въ недалекомъ будущемъ (а борьбы еще такъ много!) студенчеству снова придется поднять свое свѣтлое знамя, то эта часть общества окажетъ не только сочувствіе, но и поддержку.

4-го февраля въ стѣнахъ университета за подписью ректора появилось объявленіе, предостерегающее студентовъ отъ нарушенія общественной тишины и спокойствія въ день университетскаго праздника, 8-го февраля. Объявленіе это провисѣло на стѣнѣ всего лишь два дня. Въ субботу, 6-го февраля, на сходкѣ, собранной совершенно по другому случаю,*) объявленіе это, при одобрительныхъ крикахъ и въ присутствіи инспектора было сорвано со стѣны, а витрина, въ которой оно находилось, разбита въ дребезги. Сходка большинствомъ голосовъ вотировала протестъ противъ присвоенія ректоромъ университета, Сергѣевичемъ, функцій полицейской власти и постановила реализовать этотъ протестъ во время акта 8-го февраля демонстративнымъ выходомъ изъ залы при появленіи ректора на каѳедрѣ. Однако эта демонстрація 8-го февраля приняла гораздо бо́льшіе размѣры, чѣмъ то предполагалось вначалѣ и было рѣшено на сходкѣ. Ректоръ былъ освистанъ. Шумъ, крики и свистъ были до того сильны и оглушительны, что ректоръ, простоявъ въ теченіе ¼ часа на каѳедрѣ, долженъ былъ сойти, и только этимъ прекратить безпорядокъ и водворить сравнительную тишину.

Послѣ акта и обычнаго пѣнія студенческихъ пѣсенъ (на этотъ разъ въ томъ же актовомъ залѣ, а не на площадкѣ) студенты

*) Смерть Фора. Проектъ вѣнка отъ студентовъ университета, проваленный почти единогласно.

(въ числѣ около 1000 слишкомъ человѣкъ) стали выходить изъ университета, рѣшивъ предварительно, чтобы не вызывать никакихъ активныхъ дѣйствій со стороны полиціи, расходиться по домамъ небольшими кучками, а не всей массой.

Но это благое намѣреніе не было выполнено: выйдя изъ университета, студенты съ удивленіемъ увидѣли, что противъ университетской линіи, возлѣ академіи наукъ, всю улицу пересѣкаетъ фаланга конныхъ и пѣшихъ городовыхъ, а зимній переходъ черезъ Неву противъ университета испорченъ. Первые вышедшіе изъ университета, конечно, сейчасъ-же вступили въ переговоры съ приставами и другими полицейскими властями о причинахъ этого ничѣмъ не вызваннаго поступка полиціи. Но всѣ переговоры оказались тщетными; между тѣмъ, около переговаривающихся набиралось все больше и больше студентовъ, вышедшихъ изъ университета. Послѣ безплодныхъ переговоровъ вся масса студентовъ начала мало-по-малу двигаться по направленію къ Николаевскому мосту и, вѣроятно, разошлась бы спокойно по домамъ, еслибъ одинъ необъяснимый поступокъ со стороны полиціи не повернулъ дѣло въ обратную сторону. Когда главная масса студенчества была уже противъ Румянцевскаго сквера, въ это время нагоняютъ толпу конный полицейскій офицеръ и городовой также верхомъ. Толпа остановилась; раздались возгласы: „зачѣмъ?“ „что нужно?“ „назадъ!“ „долой!“; полетѣли комья снѣга, нѣсколько человѣкъ схватили метлы, находившіяся на разъѣздѣ конки у сторожей, и замахали ими. Лошади двухъ всадниковъ испугались криковъ, повернули и, при громкомъ хохотѣ окружающихъ, унеслись опять къ Академіи Наукъ, гдѣ стоялъ эскадронъ. Прошло нѣсколько минутъ.

Толпа уже шла дальше; многіе уже по мосткамъ переходили на ту сторону, другіе-же подходили къ академіи наукъ па пути къ столовой, — какъ вдругъ задніе увидѣли, что эскадронъ конныхъ городовыхъ тронулся и началъ рысью приближаться. Всѣ опять остановились. Раздались крики, возгласы, какъ всегда въ толпѣ, и когда эскадронъ приблизился, въ него снова полетѣли снѣжки и однимъ изъ нихъ, какъ впослѣдствіи оказалось, была расквашена физіономія предводителя.

„Маршъ-маршъ!“ — скомандовалъ неожиданно офицеръ: „не повѣсятъ же насъ изъ за этой сволочи студентовъ!...“

Эскадронъ пустился въ карьеръ и врѣзался въ толпу, опрокидывая и топча студентовъ и частныхъ лицъ, наполнявшихъ улицу. Въ воздухѣ замелькали нагайки... Пишущій эти строки, какъ заяцъ прыгнувшій черезъ ограду Румянцевскаго сквера, вмѣстѣ со многими другими видѣлъ, какъ одинъ старикъ, почтенный джентльменъ, былъ смятъ лошадью, и, уже лежащій на землѣ, получилъ ударъ нагайкой; какъ одна молодая женщина, уцѣпившаяся за рѣшетку сквера, получила ударъ нагайкой отъ проскакавшаго вблизи опричника; онъ видѣлъ въ скверѣ лежащаго на снѣгу студента, пальто котораго представляло одни

лохмотья, до того оно было исполосовано и разодрано. Такихъ фактовъ потомъ разсказывали много. Послѣ этого побѣдоносснаго набѣга, эскадронъ удалился съ поля битвы.

Вѣсть объ этомъ побоищѣ распространилась съ быстротою молніи. Негодованіе охватило рѣшительно всѣхъ; всѣ говорили о сходкѣ на слѣдующій день въ университетѣ. (Вечеромъ были двѣ вечеринки, которыя мало чѣмъ отличались отъ прошлогоднихъ, и объ нихъ я не буду распространяться). На слѣдующій день, уже въ 10 часовъ, народъ во множествѣ сталъ стекаться въ университетѣ. Въ 11 часовъ открылась сходка, но такъ какъ на площадкѣ могла помѣститься только незначительная часть, то обратились къ инспекціи съ требованіемъ открыть актовый залъ. Перепуганная инспекція исполнила это требованіе. И вотъ съ этого дня въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней стѣны этого зала были свидѣтелями безпримѣрнаго событія въ лѣтописяхъ университета. Сходка, состоящая болѣе чѣмъ изъ 2000 человѣкъ, съ замѣчательной выдержкой, спокойствіемъ и, единодушіемъ, послѣ продолжительныхъ преній, касавшихся впрочемъ, только формъ протеста, вотировала единогласно (или почти единогласно) поднятіемъ рукъ закрытіе университета до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будутъ даны гарантіи, что впредь такъ беззастѣнчиво и нагло не будутъ нарушаться элементарнѣйшія права человѣческой личности. Всѣ другія мѣры или формы протеста, какъ то: петиція, коллективный выходъ изъ университета, были отвергнуты подавляющимъ большинствомъ. Было рѣшено всѣми силами добиваться закрытія университета, посредствомъ обструкціи и соглашеній съ профессорами, изъ коихъ многіе еще въ день достопримѣчательнаго сраженія у Румянцевскаго сквера выражали свое желаніе примкнуть къ движенію активно, въ какой бы формѣ оно не отлилось. Нужно сказать, что сходка въ актовомъ залѣ проходила съ удивительнымъ тактомъ, спокойствіемъ и единодушіемъ, чему много способствовали удачный выборъ предсѣдателя сходки, умѣло руководившаго съ каѳедры преніями. Ораторы также говорили съ каѳедры. До чего было серьезно и сдержанно настроено собраніе, можемъ судить по тому, какъ оно отнеслось къ рѣчи ректора, приглашеннаго посредствомъ депутаціи на сходку. Ни одного свистка, ни одного аплодисмента (это было заранѣе предложено предсѣдателемъ). И только, когда онъ, вмѣсто того, чтобы говорить о нагайкахъ, сталъ обѣлять себя и объяснять свое предостереженіе, за которое былъ освистанъ на актѣ, и предложилъ свиставшимъ явиться къ нему по одиночкѣ въ его канцелярію и принести покаяніе и „для видимости понести дисциплинарное наказаніе“, — точно электрическій токъ пробѣжалъ по собранію, но... ни одного свистка.

Затѣмъ предсѣдатель просилъ его удалиться, и засѣданіе продолжалось. О, какъ зло высмѣяли ораторы его рѣчь, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ преній о средствахъ протеста, сходка

какъ я уже говорилъ, единогласно вотировала „фактическое закрытіе университета“ и черезъ депутацію довела о семъ до свѣдѣнія ректора. Затѣмъ предсѣдатель пригласилъ всѣхъ присутствующихъ собраться завтра снова въ университетъ и посредствомъ обструкціи воспрепятствовать чтенію лекцій, если бы таковыя начались. Я забылъ упомянуть, что въ концѣ сходки прибыли делегаты отъ Лѣсного института съ заявленіемъ, что они присоединяются къ протесту университета, и было прочитано сочувственное письмо отъ кружка морскихъ офицеровъ.

Вскорѣ къ движенію присоединились всѣ высшія учебныя заведенія; во всѣхъ нихъ движеніе выразилось въ формѣ забастовки. Въ 12 часовъ университетъ былъ окруженъ цѣпью городовыхъ; въ шинельныя и во всѣ входы и выходы были введены также городовые, никого не выпускавшіе и никого не впускавшіе; такимъ образомъ, университетъ очутился въ осадномъ положеніи.

Въ 1 часъ, въ концѣ корридора появился градоначальникъ съ приставами, прошелъ по корридору на площадку, и тамъ съ нимъ вели переговоры депутаты, или, вѣрнѣе, люди, отдавшіе себя дѣлу въ эти послѣдніе дни. Конечно, переговоры эти ни къ чему не привели. Распространились слухи, что ректоръ подалъ въ отставку, что профессора готовятъ энергичный протестъ противъ введенія въ стѣны университета полиціи... и многіе другіе, пока еще не достовѣрные слухи.

Съ 12 часовъ рѣшено было спокойно разойтись, чтобы на слѣдующій день опять явиться въ 10 часовъ, съ цѣлью препятствовать чтенію лекцій. Послѣ записи всѣхъ участниковъ при выходѣ чинами полиціи, всѣ бывшіе разошлись по домамъ.

Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ забастовка также началась съ сегодняшняго числа (12 февраля).

Воодушевленіе и единодушіе просто удивительное. Главное, что къ этому движенію примкнула вся та часть студенчества, которая два года тому назадъ волновалась изъ за „поруганнаго студенческаго мундира.“ (Говорятъ, что нагайкой вытянули даже нѣкоторыхъ студентовъ изъ извѣстныхъ фамилій, между прочими и одного изъ сыновей Кіевскаго генералъ-губернатора Игнатьева). Въ обществѣ негодованіе.

II.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ОБЩЕСТВА.*)

Въ началѣ февраля текущаго года ректоромъ университета было вывѣшено объявленіе, въ которомъ, указавъ на то, что 8-го февраля (въ день годовщины университета) нерѣдко происходятъ со стороны студентовъ нарушенія порядка на улицахъ и въ публичныхъ собраніяхъ, — г-нъ ректоръ счелъ нужнымъ предупредить студентовъ о послѣдствіяхъ такого поведенія. „Законъ, — сказано было въ этомъ объявленіи, — предусматриваетъ такого рода безпорядки и за нарушеніе общественной тишины и спокойствія подвергаетъ виновныхъ: аресту на семь дней или денежному штрафу до 25 рублей. Если же въ этихъ нарушеніяхъ будетъ участвовать цѣлая толпа людей, которая не разойдется по требованію полиціи, то упорствующіе подвергаются: аресту до одного мѣсяца или штрафу до 100 рублей. А если необходимо будетъ прекратить безпорядки силою, то упорствующіе подвергаются: аресту до трехъ мѣсяцевъ или штрафу до 300 рублей. Законъ предписываетъ даже употребленіе силы для прекращенія безпорядковъ. Послѣдствія такого столкновенія съ полиціей могутъ быть очень печальны. Виновные могутъ подвергнуться: аресту, лишенію льготъ, увольненію и исключенію изъ университета и высылкѣ изъ столицы (!) . . . Считаю необходимымъ, — заключаетъ ректоръ, — предупредить объ этомъ студентовъ. Студенты должны исполнять законы, охраняя тѣмъ честь и достоинство университета".

Въ запискѣ, поданной 17-го февраля министромъ финансовъ г. Витте въ совѣщаніе министровъ, говорится по поводу этого объявленія: „Нельзя не замѣтить, что большинство находящейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи находится въ томъ переходномъ возрастѣ, въ которомъ человѣкъ такъ боится уронить свое, не всегда правильно понимаемое достоинство и до болѣзненности щепетильно относится къ чести своей и своихъ товарищей. Поэтому для меня не представляется вовсе удивительнымъ, что объявленіе ректора, въ которомъ каждый вполнѣ взрослый человѣкъ увидѣлъ бы лишь простое предупрежденіе,— произвело на увлекающуюся молодежь неблагопріятное впечатлѣніе. Можетъ быть, — продолжаетъ господинъ министръ финансовъ, — студенты въ подобномъ случаѣ отъ своего университетскаго начальства ожидали обращенія къ чувству ихъ чести,

*) Статья эта, полученная нами въ апрѣлѣ 1899 г., присылана намъ отъ неизвѣстнаго лица и выражаетъ, дѣйствительно, отголосокъ большей и лучшей части русскаго общества въ первый періодъ студенческой исторіи.

Ред.

а не угрозы наказанія за буйство и непристойное поведеніе немногихъ ихъ товарищей. Можетъ быть, лучшая часть студентовъ сочла себя оскорбленной тѣмъ, что за уличные безпорядки, ежегодно производимые небольшой кучкой буяновъ, была наброшена въ глазахъ общества тѣнь на всѣхъ студентовъ университета". Въ другомъ мѣстѣ той же записки объявленіе ректора называется „не вполнѣ удачнымъ по формѣ, но получившимъ широкое распространеніе".

Записка г. Витте подписана также министрами Хилковымъ, Ермоловымъ, Муравьевымъ, а также Протасовымъ - Бахметьевымъ. Такимъ образомъ, нетактичность объявленія ректора признана лицами очень авторитетными, и мы можемъ лишь прибавить съ своей стороны, что эта „нетактичность" встрѣтила среди учащейся молодежи почву, подготовленную многими предварительными нетактичностями ректора. Нужно сказать, что профессоръ В. И. Сергѣевичъ къ своей извѣстности ученаго успѣлъ прибавить также извѣстность человѣка, совершенно лишеннаго такта, что̀ еще недавно привело къ выходу его изъ литературнаго фонда (инцидентъ, въ свое время оглашенный въ газетахъ). Къ несчастью, въ обращеніи профессора Сергѣевича, вдобавокъ, присутствуетъ постоянная склонность къ сарказму и насмѣшкѣ. Извѣстно, между тѣмъ, что молодежь легче переноситъ прямую грубость, чѣмъ саркастическое пренебреженіе. Эта черта, далеко не всегда сопровождаемая остроуміемъ и при полномъ отсутствіи такта, — давно уже раздражала университетскую молодежь, положеніе которой, нужно сказать правду, далеко не располагаетъ къ веселости и обмѣну остротами.

Объявленіе ректора, подъ свистъ и шиканье, было сорвано студентами и уничтожено. Подъ впечатлѣніемъ этого эпизода, студенты встрѣтили 8-е февраля, годовщину своего университета.

Министръ финансовъ г. Витте слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ очевидецъ, то, что̀ произошло на годичномъ актѣ: „Считая, повидимому, себя оскорбленными объявленіемъ ректора, студенты и направили свое неудовольствіе противъ лица, подписавшаго объявленіе, т. е. противъ ректора. На актѣ это выяснилось вполнѣ. Торжественное годовое собраніе началось спокойно. При соблюденіи полнаго порядка былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности университета за минувшій 1898 годъ, была произнесена профессоромъ Ольденбургомъ актовая рѣчь на ученую тему, и только при появленіи на каѳедрѣ ректора университета раздались свистки, и начался безпорядокъ. Но этотъ послѣдній немедленно и прекратился, какъ только профессоръ Сергѣевичъ сошелъ съ каѳедры. Съ почтительнымъ вниманіемъ былъ выслушанъ затѣмъ національный гимнъ, завершенный единодушными аплодисментами и требованіями повторенія; съ большимъ одушевленіемъ исполнена и студенческая пѣсня."

Нельзя, въ виду всего изложеннаго, не согласиться съ авторомъ приводимой нами записки, что (въ этой по крайней мѣрѣ стадіи) все происшествіе нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ „школьной демонстраціей“, едва ли не вызванной не вполнѣ удачнымъ по изложенію объявленіемъ, въ которомъ молодыя, горячія головы усмотрѣли горькое оскорбленіе.

Однако, судьбѣ угодно было, чтобы за стѣнами университета студентовъ ждала новая неожиданность, изъ тѣхъ, въ которыхъ „вполнѣ взрослые“ русскіе люди тоже, пожалуй, не увидали бы ничего особеннаго, но которыхъ неопытная еще молодежь не можетъ переносить съ достаточнымъ философскимъ спокойствіемъ.

Передъ университетомъ выстроились отряды конной полицейской стражи, которая и загородила студентамъ дорогу къ ближайшему Дворцовому мосту, растянувшись отъ панели до панели. Стража стояла молча, точно рядъ конныхъ изваяній, и никто не пытался не только предупредить молодежь заранѣе о томъ, что путь этотъ будетъ закрытъ, но никто не указалъ также, куда она должна направляться.

Вполнѣ понятно, что изъ университета молодежь выходила толпою, совершенно такъ, какъ выходитъ публика изъ церкви или изъ театра. Не менѣе понятно также, что, задержанная почти у самаго выхода, толпа сгустилась и увеличилась въ объемѣ. Увидѣвъ, что ближайшій путь закрытъ, эта толпа двинулась къ мосткамъ черезъ Неву. Мостки эти оказались заранѣе убранными, и ходъ черезъ Неву прегражденъ.

Для чего это было сдѣлано? Повидимому, полиція не хотѣла пропускать студентовъ мимо дворца. Къ сожалѣнію, высокопоставленный авторъ цитированной нами записки не присутствовалъ при томъ, что̀ разыгралось послѣ акта на набережной Невы, но „лица, вполнѣ заслуживающія довѣрія“, разсказали ему въ общихъ чертахъ то же, что̀ извѣстно изъ другихъ источниковъ.

„Есть основаніе предполагать, — говоритъ онъ въ своей запискѣ, — что пріемы, посредствомъ которыхъ желали не пропустить прохожденія толпою по городу собравшейся на актъ возбужденной молодежи, были (опять) не вполнѣ тактичны. Можно также сомнѣваться и въ практичности распоряженія полиціи о томъ, чтобы для прохода студентовъ изъ университета на другой берегъ Невы были закрыты проходы по льду черезъ Дворцовый мостъ. Направленіе всей толпы по одному пути (къ Николаевскому мосту) уже само по себѣ должно было вызвать безпорядокъ. Для того, чтобы студенты не проходили мимо дворца, не было надобности закрыть проходъ по Дворцовому мосту, ибо совершенно достаточно было закрыть проходъ по набережной къ дворцу и по площади на Морскую, оставить свободнымъ ходъ по Адмиралтейскому проѣзду на Невскій проспектъ“. Поэтому г. министру опять кажется нисколько „не-

удивительнымъ, что, когда экзальтированная всѣмъ происшедшимъ на актѣ молодежь столкнулась съ запрещеніемъ свободнаго прохода, то это распоряженіе въ разгоряченномъ воображеніи молодыхъ головъ показалось и обиднымъ, и незаконнымъ. Отсюда вполнѣ понятны и происшедшій уличный безпорядокъ, и дальнѣйшій ходъ студенческаго броженія".

Такимъ образомъ, „нетактичность", нецѣлесообразность и грубость принятыхъ полиціей мѣръ опять признается министромъ. Однако, есть здѣсь черта, которую, къ сожалѣнію, авторъ-составитель записки, упускаетъ изъ виду. Эта толпа студентовъ, безцеремонно остановленная у выхода изъ университета и мечущаяся отъ одного прохода къ другому, перегоняемая, какъ стадо, безъ всякихъ объясненій съ мѣста на мѣсто, — это — увы! — настоящій прообразъ русской жизни и нашего общества, останавливаемаго на всѣхъ законнѣйшихъ путяхъ своей дѣятельности. Всюду вырастаютъ неожиданныя препятствія, по поводу которыхъ, мы увѣрены, тотъ же г. министръ финансовъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ: „есть основаніе считать ихъ и обидными, и незаконными"...

Чувствовала ли все это молодежь, безцеремонно задержанная, искусственно сбитая въ толпу и подвигающаяся по набережной къ Николаевскому мосту? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Во всякомъ случаѣ является до извѣстной степени утѣшеніемъ, что ея настроеніе кажется понятнымъ пяти высшимъ государственнымъ дѣятелямъ современной Россіи... Что же было дальше? Студенты, бывшіе въ этой толпѣ, передавали, что впереди, у Николаевскаго моста, имъ виднѣлся новый отрядъ. Это, разумѣется, было бы не особенно удивительно, какъ, впрочемъ, и то, если бы этотъ отрядъ только почудился „взволнованному воображенію экзальтированной молодежи". Въ пользу перваго предположенія говоритъ, впрочемъ, то обстоятельство, что едва толпа прошла сотню саженей въ принятомъ направленіи, какъ отъ отряда стражниковъ отдѣлился офицеръ съ однимъ всадникомъ и поскакалъ въ догонку.

Студенты подумали, что онъ скачетъ, чтобы устроить новую преграду впереди. Тогда терпѣніе „экзальтированной молодежи" истощилось и въ приближающихся всадниковъ полетѣли снѣжки. Поручикъ вернулся обратно, сталъ во главѣ своей стражи и скомандовалъ атаку.

Въ студенческомъ „бюллетенѣ", описывающемъ это событіе, сказано, что офицеръ скомандовалъ „маршъ маршъ" и при этомъ прибавилъ: „не повѣсятъ же насъ за эту студенческую сволочь!"

Господинъ военный министръ въ рѣчи, сказанной въ медико-хирургической академіи, говоритъ, что офицеръ, „потерявъ голову, скомандовалъ: рысью впередъ!" Надо думать, что г-ну военному министру слова команды извѣстны лучше, чѣмъ студентамъ. Фактъ, однако, тотъ, что рядъ „нетактичностей" это-

го дня завершился форменной аттакой на искусственно, мѣрами же полиціи собранную толпу, причемъ были пущены въ ходъ нагайки. „Чѣмъ могли отвѣтить грубые мужики, одѣтые въ военную форму?“ спрашиваетъ второй министръ, — особенно, добавимъ мы отъ себя, — услышавъ прямую команду.

Г-нъ военный министръ опять ни мало не удивляется происшедшему. „И каждый изъ васъ, — полагаетъ генералъ Куропаткинъ, — поступилъ бы такъ же, какъ и онъ.“ Но съ другой стороны, тотъ же министръ категорически утверждалъ въ своей рѣчи, что понимаетъ также настроеніе студентовъ, присоединившихся къ протесту. Онъ думаетъ даже, что „и самъ, будь на вашемъ мѣстѣ, тоже присоединился бы къ протесту“... Положеніе, въ значительной мѣрѣ, парадоксальное и — увы! — опять слишкомъ характерное для общаго строя нашей политической и гражданской жизни, заставляющее искать причинъ многихъ прискорбныхъ столкновеній въ условіяхъ весьма отдаленныхъ отъ непосредственныхъ участниковъ самаго столкновенія.

Повидимому, студенты совершенно согласны съ господиномъ военнымъ министромъ въ оцѣнкѣ поступка полицейскаго поручика, и впослѣдствіи въ ихъ „бюллетенѣ“ и постановленіяхъ много разъ повторяется мысль, что наказаніе злополучнаго поручика они никоимъ образомъ не могутъ считать удовлетвореніемъ за оскорбленіе, и что это было бы столь знакомымъ намъ обвиненіемъ „во всемъ виноватаго стрѣлочника.“

Весь этотъ день полиція была на сторожѣ, ожидая безпорядковъ, о которыхъ г-нъ ректоръ говорилъ такъ подробно въ своемъ объявленіи. Особенно сильные полицейскіе посты стояли около крупныхъ гостиницъ на Невскомъ. Но ожиданія были напрасны: никто не думалъ тревожить даже знаменитаго ресторана Палкина.

За то сходка на слѣдующій день въ университетѣ отличалась небывалымъ многолюдствомъ, замѣчательною выдержанностью и дисциплиной. Началось движеніе, еще небывалое въ исторіи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Я помню, — говорилъ ректоръ въ своей рѣчи къ студентамъ, — много студенческихъ исторій; помню знаменитое волненіе 1862 года, и послѣ нихъ я пережилъ и былъ свидѣтелемъ немалаго числа такихъ исторій, — и я скажу, что такого критическаго момента еще не переживало студенчество никогда и нигдѣ.“ Дѣйствительно, и по размѣрамъ, и по характеру, по чрезвычайной выдержанности и дисциплинѣ, которыя проявила студенческая масса, — движеніе 1899 года оставляетъ далеко за собою всѣ прежнія. Быть можетъ, то же нужно сказать и о размѣрахъ сочувствія, вызваннаго движеніемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

Рѣчь В. И. Сергѣевича, въ которой не было ни одного живого и убѣдительнаго слова, была выслушана въ глубочайшемъ

молчанія. На слѣдующій день новая сходка приняла постановленіе, въ которомъ выражалось намѣреніе добиться закрытія университета до тѣхъ поръ, пока студенты не получатъ удовлетворенія и „гарантіи личной неприкосновенности“. Въ случаѣ же, если нѣкоторые профессора не пожелаютъ прекратить лекцій, рѣшено прибѣгнуть къ обструкціи. Постановленіе это тотчасъ-же приведено въ исполненіе.

Профессора Марковъ, Сергѣевскій, Горчаковъ нашли свои аудиторіи пустыми, хотя и сочли себя обязанными просидѣть положенное время на каѳедрѣ. Профессоръ церковнаго права Горчаковъ, поставивъ стулъ въ дверяхъ аудиторіи, обратился съ рѣчью къ студентамъ, толпившимся въ коридорѣ. Профессоръ астрономіи Глазенапъ приглашалъ слушателей предаться изученію безстрастныхъ звѣздъ, какъ занятію, болѣе возвышающему душу, нежели политика. Всѣ эти добросовѣстные попытки не имѣли, однако, никакого успѣха, къ тому же ихъ прекратилъ самъ ректоръ г. Сергѣевичъ, пригласившій въ стѣны университета градоначальника съ полиціей. Полицейскіе заняли входы, записывали студентовъ, забирали билеты, одинъ разъ заперли 1500 человѣкъ въ манежѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отступились отъ чтенія почти всѣ профессора. У профессора Горчакова произошелъ съ градоначальникомъ г. Клейгельсомъ чрезвычайно интересный разговоръ, при чемъ профессоръ-священникъ заявилъ, что считаетъ присутствіе полиціи въ стѣнахъ университета оскорбительнымъ и незаконнымъ.

Впрочемъ, нашлись четыре профессора, не раздѣлявшіе взгляда почтеннаго г. Горчакова. Это были гг. Ведровъ, Фойницкій, Георгіевскій и извѣстный съ разныхъ сторонъ профессоръ Исаевъ. Эти ученые не считали оскорбительнымъ для себя проходить къ каѳедрѣ сквозь строй городовыхъ, а профессоръ Исаевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, „честныхъ профессоровъ можно слушать и въ военное время.“ Онъ былъ жестоко освистанъ молодежью, и эта своеобразная демонстрація профессорской честности не удалась.

Между тѣмъ волненіе быстро охватывало всю учащуюся молодежь сначала въ Петербургѣ, а потомъ и во всей Россіи. 12 февраля къ движенію примкнули институты: горный, лѣсной, женскій медицинскій, электрическій, институтъ инженеровъ путей сообщенія и медико-хирургическая военная академія. Въ февралѣ же прекратили слушаніе лекцій институты технологическій, гражданскихъ инженеровъ, высшіе женскіе курсы. — Вслѣдъ затѣмъ курсы Лесгафта, Рождественскіе, академія художествъ и даже зубоврачебные курсы. Къ 20 февраля „забастовка учащейся молодежи“ распространилась на историко-филологическій институтъ въ С. Петербургѣ, на университеты Московскій и Кіевскій, женскіе педагогическіе курсы, Московское техническое училище, Московскій сельско-хозяйственный

институтъ (бывш. Петровская академія), сельско-хозяйственный институтъ въ Новой Александріи, Кіевскій и Рижскій политехническіе институты. Затѣмъ, получились извѣстія о безпорядкахъ въ Харьковскомъ, Одесскомъ, Юрьевскомъ, Томскомъ и Варшавскомъ университетахъ.

Такимъ образомъ все высшее учебное дѣло въ Россіи на время остановилось, и свыше 25 тысячъ молодежи приняло участіе въ движеніи, начавшемся 8-го февраля на набережной рѣки Невы.

Всѣ учебныя заведенія, примыкавшія къ движенію, посылали въ университетъ заявленія, въ которыхъ рѣшительно примыкали къ „требованіямъ", поставленнымъ студентами университета. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ слышится горячій протестъ противъ полицейскаго произвола въ разныхъ его видахъ.

„Итакъ, товарищи, — читаемъ мы въ бюллетенѣ 3-го дня по закрытіи университета (13 фев.), — нашъ протестъ возвысился до протеста науки и просвѣщенія противъ дикаго произвола"... И это не было преувеличеніемъ. Дѣйствительно, по всему лицу русской земли, начиная съ Петербурга и кончая далекой Сибирью, гдѣ только существуютъ высшія учебныя заведенія, опустѣвшіе храмы науки молчаливо протестовали „противъ дикаго произвола"... Но и туда, гдѣ нѣтъ университетовъ и институтовъ, въ самые глухіе углы нашего отечества проникла тревога и волненіе: русскіе отцы и матери дрожали за участь своихъ дѣтей, ставились на карту надежды 20 тысячъ русскихъ семей, неповинныхъ уже ни въ чьихъ нетактичностяхъ и ни въ чьей „молодой экзальтаціи." Кажется только одинъ г-въ Суворинъ во всей Россіи полагаетъ, что это совершенные пустяки, до которыхъ русскому правительству въ сущности нѣтъ никакого дѣла.

Каковъ характеръ этого движенія? При каждыхъ болѣе или менѣе значительныхъ волненіяхъ студенчества прежде всего ставится этотъ вопросъ, и по большей части до сихъ поръ онъ рѣшался въ томъ смыслѣ, что движеніе носитъ характеръ „несомнѣнно политическій." Доказать это полиціи никогда не представляло затрудненія: достаточно было захватить при обыскахъ нѣсколько нелегальныхъ брошюръ или установить знакомство кого-нибудь изъ участниковъ волненія съ кѣмъ-нибудь изъ арестованныхъ ранѣе (хотя бы и вполнѣ неосновательно). Наконецъ, никогда не было недостатка въ провокаціи.

Говорятъ, что и на этотъ разъ въ ней не было недостатка. Вскорѣ же послѣ фактическаго закрытія университета появилась прокламація отъ имени соціалистовъ-революціонеровъ, въ которой движеніе объявлялось рѣшительно — революціоннымъ. Всѣ дѣйствительные организаторы движенія, члены такъ называемыхъ организаціонныхъ комитетовъ, утверждаютъ, что это

заявленіе происхожденія чисто — полицейскаго. Говорили также о загадочномъ объявленіи, появившемся въ „Новомъ Времени", съ обращеніемъ „Дѣвка", съ датой основанія Харьковскаго университета и подписаннымъ „Гусыня". Такъ какъ объявленія цензуруются въ градоначальствахъ, то въ этомъ объявленіи, заключавшемъ странныя и загадочныя приглашенія, многіе видятъ тоже полицейскую провокацію. Трудно сказать — насколько это основательно.

Сами студенты и признанные ихъ представители старательно устраняли всякій намекъ на этотъ „политическій характеръ" своего протеста. „Ректоръ — говорилось въ одномъ изъ бюллетеней, которые студенты выпускали во все время движенія, — пытался въ своей рѣчи придать движенію политическую окраску, но студенты, говорившіе послѣ ректора, опровергали это утвержденіе". Все время они съ замѣчательною выдержанностью и дисциплиной съумѣли избѣгать всякаго повода для уличныхъ безпорядковъ и столкновеній съ полиціей. Послѣ самыхъ многолюдныхъ сходокъ они расходились въ одиночку или небольшими кучками, которымъ, при всемъ желаніи, невозможно было придать значеніе скопищъ.

Въ обществѣ тоже единодушно отрицался „политическій характеръ" настоящихъ волненій. „Говоря о настоящемъ весьма прискорбномъ случаѣ, — пишетъ въ своей запискѣ г-нъ Витте, — я не могу не отмѣтить того, на мой взглядъ весьма отраднаго факта, что настоящіе безпорядки... лишены, повидимому, всякой политической окраски." И однако, самъ онъ признаетъ, что „вслѣдствіе всего происшедшаго дѣло выросло отъ *школьной шалости* на степень общественнаго явленія."

„Родители и родственники студентовъ безпокоятся за ихъ участь, бывшіе студенты скорбятъ о своихъ родныхъ заведеніяхъ, тревожное чувство господствуетъ не только среди учащейся молодежи, но и въ большей части общества."

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку: собственно *школьная шалость* (свистъ ректору) не имѣла ни малѣйшаго отношенія къ тому, что произошло за стѣнами университета, и, такимъ образомъ, вѣрнѣе было бы сказать, что въ данномъ случаѣ событіе огромной важности, „вызвавшее тревожное состояніе въ большой части общества", выросло не изъ школьной, а *полицейской* шалости, и это обстоятельство окрашиваетъ все движеніе. Послѣднее, очевидно, имѣетъ характеръ протеста противъ полицейскаго произвола, одно изъ проявленій котораго разыгралось 8-го февраля, и это, конечно, выводитъ его далеко за предѣлы чисто „школьныхъ" манифестацій.

„Политическимъ", въ строгомъ смыслѣ, студенческое движеніе можно было бы назвать въ томъ случаѣ, если бы оно было вызвано и направлялось той или другой партіей, имѣющей въ виду опредѣленную политическую программу. Уже самые размѣры движенія, — охватившаго всю молодежь и взволновавша-

го все русское общество отъ мелкаго чиновника до министра, — показываютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ или другомъ строѣ политическихъ взглядовъ, а о нѣкоторыхъ аксіомахъ, рѣшеніе которыхъ одинаково доступно людямъ самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій.

Въ своихъ требованіяхъ, формулированныхъ обстоятельно, умѣренно и точно, студенты университета говорятъ лишь объ „отсутствіи гарантіи неприкосновенности личности" и требуютъ отвѣтственности полиціи въ общемъ порядкѣ подъ судомъ. Тѣ же требованія, съ чрезвычайнымъ единодушіемъ и съ нѣсколько лишь большей широтой, заявляютъ остальныя заведенія. Такъ, напримѣръ, „студенты всѣхъ пяти курсовъ инженеровъ путей сообщенія, присоединяясь къ протесту, постановляютъ прекратить посѣщеніе лекцій до тѣхъ поръ, пока всѣ мы не будемъ гарантированы на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ . . . "Требованіе гарантій личной неприкосновенности, — говорится въ постановленіи организаціоннаго комитета студентовъ горнаго института, — „этого основного принципа всякаго цивилизованнаго общества — остается главнымъ требованіемъ студенчества, за которое оно будетъ бороться до конца"... „Полное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное студенчеству, гарантіи физической неприкосновенности и опубликованіе правилъ, которыми руководствуется полиція по отношенію къ студентамъ", — таковы требованія студентовъ лѣсного института. Таковы же они у всей остальной молодежи, примкнувшей къ движенію.

Такимъ образомъ, отрицая политическій характеръ своего движенія, студенчество ставитъ требованія, направленныя противъ нѣкоторыхъ „прерогативъ" полиціи. Послѣдняя, можно даже думать, совершенно искренно считаетъ эти прерогативы, т. е. полную фактическую безсудность свою, основнымъ началомъ самодержавнаго строя. Нужно сказать, что такъ думаетъ не одна полиція, но и многіе „взрослые русскіе люди". Въ своей рѣчи, обращенной къ студентамъ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ между прочимъ: „Вы смѣстили меня, но за мною стоитъ попечитель, а за нимъ. . . Вы выбросили меня, назначеннаго по указу его величества, и я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ о послѣдствіяхъ" . . . Смыслъ этой аргументаціи ясенъ: протестуя противъ г-на ректора, студенты идутъ противъ самого царя, и, значитъ, движеніе направлено противъ существующаго строя. То же разсужденіе съ неменьшимъ правомъ могъ бы примѣнять къ себѣ и бравый поручикъ, скомандовавшій „рысью впередъ". Онъ назначенъ градоначальникомъ, градоначальникъ — государемъ. Значитъ, нагайками билъ студентовъ самъ государь, и протестъ противъ полицейской нагайки есть, въ сущности, протестъ противъ самодержавной власти.

Оборотъ чрезвычайно удобный для существующаго у насъ административно-полицейскаго порядка, но едва-ли выгодный для

„основъ существующаго строя.“ Въ настоящее время, — и въ этомъ одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ даннаго студенческаго движенія, которая именно и придастъ ему значеніе общественнаго событія, — рѣшается вопросъ о томъ: признаетъ ли высшее правительство такое отождествленіе или не признаетъ. Студенты утверждаютъ, что они протестуютъ лишь противъ одной частности и что это вовсе не возстаніе противъ „основъ“... Въ интересахъ высшей русской политики — доказать противное. Этотъ именно вопросъ поставленъ теперь волненіемъ всей учащейся молодежи; отвѣта именно на него ждутъ опустѣвшіе храмы науки, а съ ними и русское общество.

Каковъ же будетъ этотъ отвѣтъ?

Два раза въ глубокомъ молчаніи нѣсколько тысячъ молодежи, объединенной непосредственнымъ чувствомъ негодованія, выслушивали рѣчи своего ректора, рѣчи, въ которыхъ выдающійся русскій ученый, представитель высшей учебной администраціи, ближайшій посредникъ между молодежью и правительствомъ — пытался разъяснить этой молодежи ея положеніе и призвать къ уваженію законности и права. Это были интересныя и въ высокой степени характеристичныя минуты.

Съ одной стороны — молодая толпа, цвѣтъ русской интеллигентной молодежи, взволнованная яснымъ, очевиднымъ, всѣми осуждаемымъ насиліемъ, проявленіемъ произвола и безотвѣтственности. Каковы „политическія“ убѣжденія этой молодежи? Можно сказать съ полной увѣренностью, что у огромнаго большинства они еще не сложились. На одной сторонѣ здѣсь можно найти нѣкоторое количество молодыхъ людей, настроенныхъ довольно радикально. На другой стоятъ люди, всѣ семейныя и сословныя традиціи которыхъ сложились довольно опредѣленно на аристократическій и вполнѣ вѣрноподданническій ладъ. Между ними расположилась масса, болѣе или менѣе близкая тому или другому полюсу. И заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что всѣ эти категоріи молодежи объединились въ общемъ чувствѣ негодованія и протеста, — разночинцы одинаково съ членами самыхъ аристократическихъ семей столицы.

Одно изъ существенныхъ свойствъ молодого возраста — не только самолюбивая „чуткость къ мнимымъ или дѣйствительнымъ оскорбленіямъ“, о которыхъ говоритъ г-нъ Витте, но еще и чуткость къ извѣстнымъ нравственнымъ запросамъ высшаго порядка.

Всѣ эти юноши готовятся вступить въ жизнь и, стоя уже у ея двери, они вглядываются и прислушиваются къ тому, что ихъ ждетъ за порогомъ высшей школы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромное большинство пойдетъ обычной проторенной дорогой, доставитъ контингентъ хорошихъ чиновниковъ, учителей, техниковъ, строителей, инженеровъ, слѣдователей, судей, прокуроровъ. Жизнь еще десятки разъ перетасуетъ ихъ

молодыя иллюзіи и убѣжденія, и, — такъ это бывало всегда,— не одинъ изъ нынѣшнихъ ораторовъ будетъ, можетъ быть, употреблять свой талантъ, впервые проявленный на товарищескихъ сходкахъ, на обвинительныя рѣчи съ прокурорской скамьи или на рѣчи въ акціонерныхъ собраніяхъ...

Но теперь всѣмъ имъ хочется правды, всѣ хотятъ вѣрить, что въ будущемъ они станутъ осуществлять идеальныя начала, что всегда они будутъ на сторонѣ справедливости и добра. И они въ правѣ думать, что жизнь, куда они направляются, что строй, которому они призываются служить, требуетъ отъ нихъ именно этого и дастъ имъ именно эту возможность. Таково уже общее свойство молодежи, и страна, въ которой молодежь утратила бы это чувство, несомнѣнно должна разложиться и погибнуть.

Что же мы будемъ дѣлать съ этой чуткостью къ правдѣ, и какъ современный строй „готовится ею воспользоваться"?

Въ настоящее время весь цивилизованный міръ занятъ вопросомъ о томъ, правильно или неправильно осужденъ еврей Дрейфусъ, бывшій офицеръ французской арміи. Рѣчь идетъ лишь о судебной ошибкѣ спеціальнаго суда и о судьбѣ одного только человѣка. И однако всѣ остальные вопросы политической Европы отодвинуты на задній планъ вопросомъ: гдѣ справедливость и право въ этомъ единичномъ случаѣ?

У насъ нѣтъ тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ это дѣло выросло во Франціи до размѣровъ міроваго явленія; но изъ этого не слѣдуетъ, что у насъ отсутствуютъ случаи, способные въ гораздо большей мѣрѣ задѣть чувство справедливости.

При всѣхъ колебаніяхъ въ настроеніи правящихъ сферъ, при всей реакціи, давно уже господствующей въ нашей жизни, — пореформенный періодъ внесъ все-таки, въ общемъ, прогрессъ во многія стороны этой жизни.

Основы нашихъ судебныхъ уставовъ правильны и прогрессивны,*) въ наши нравы постепенно внѣдрялось сознаніе права и нѣкотораго равенства передъ закономъ. Только наша политическая полиція не была ни въ какой мѣрѣ захвачена этимъ общимъ прогрессомъ. И до сихъ поръ она цѣликомъ покоится на безсудности и произволѣ такъ называемаго „административнаго порядка". Годы самаго строгаго тюремнаго или крѣпостного заключенія, высылка въ самыя отдаленныя мѣста, часто преждевременная смерть въ казематѣ, — все это у насъ не требуетъ ни суда, ни защиты, ни судебнаго разслѣдованія и приговора.

Теперь вспомните, что именно учащаяся молодежь является всегдашнимъ объектомъ, къ которому примѣняется эта система.

---

*) Печатаемъ статью дословно, хотя и не раздѣляемъ взглядовъ автора на „правильность судебныхъ уставовъ" какой бы то ни было страны.

Ред.

У насъ нѣтъ гласности и свободы печати; поэтому правительство, и отчасти и общество, убаюкивается иллюзіей административной тайны. Но при этомъ забывается, что всѣ эти случаи становятся достояніемъ всей учащейся массы, — что, при обычной общительности въ молодой средѣ, каждый обыскъ, каждый арестъ, каждая высылка, каждая смерть въ тюрьмѣ становятся достояніемъ всей этой молодежи въ массѣ. Будущему русскому юристу съ каѳедры внушаются основы права и гражданской свободы, отъ которыхъ не можетъ отказываться никакой строй. Но, выйдя съ лекціи, онъ узнаетъ о десяткахъ случаевъ, гдѣ эти основы попираются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ по отношенію къ его сестрѣ, брату, товарищу, знакомому. Для того, чтобы приговорить лавочника къ 10 рублевому штрафу или двухдневному заключенію, законъ и установившаяся практика требуютъ свидѣтельскихъ показаній, протоколовъ, защиты и судебнаго приговора. Но для того, чтобы держать человѣка мѣсяцы и годы въ крѣпости, въ Крестѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія, въ далекой Сибири, не нужно никакихъ формальностей, — достаточно одного подозрѣнія въ „неблагонадежности“ и „внутренняго убѣжденія“ жандармскаго полковника Шмакова или прокурора г-на Кичина.

Каждое поколѣніе учащейся молодежи въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ стѣнахъ заведеній является свидѣтелемъ множества этихъ драмъ, и двѣ-три изъ нихъ неизмѣнно вырастаютъ до размѣровъ истинныхъ трагедій, способныхъ оставить далеко позади десятки процессовъ Дрейфуса. Наша печать молчитъ; высшее правительство убаюкивается иллюзіей тайны, а часто и само не знаетъ всей истины. И при этомъ забываютъ, что на трагедіи, надъ которыми опущенъ занавѣсъ, глядятъ десятки тысячъ молодыхъ глазъ, такъ какъ молодежь по самому своему положенію видитъ закулисную сторону этого „административнаго порядка“... Призовите любого изъ этой массы молодежи и спросите: извѣстно ли ему о дѣлѣ Костромина или о смерти Вѣтровой? — и вы увидите, что эти двѣ трагедіи кинули уже свою мрачную тѣнь на всю молодежь, принадлежащую нынѣшнему учащемуся поколѣнію.

Нужно-ли передавать подробности? М. Ѳ. Вѣтрова, молодая дѣвушка, курсистка, была арестована по какому-то подозрѣнію и заключена въ крѣпость. Здѣсь, 12 февраля 1897 года, она умерла ужасною и таинственною смертью: сгорѣла, облитая керосиномъ. Князь Мещерскій напечаталъ по этому поводу замѣтку, въ которой сообщилъ, что причина смерти этой „арестантки“ — „тайна между нею и Богомъ“. Въ обществѣ говорили объ ужасномъ насиліи, совершенномъ надъ несчастною дѣвушкой какимъ-то „высшимъ служащимъ“. Говорили также о назначеніи экстренной комиссіи для разслѣдованія дѣла подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Кони. Но затѣмъ все стихло.

Иллюзія безгласности и тайны опустилась еще надъ одной драмой, и только потрясенная молодежь сдѣлала попытку отслужить панихиду по погибшей. Но панихиды у насъ являются опаснѣйшими политическими демонстраціями. Послѣдовали новые аресты...

Черезъ 2 года разразилась новая исторія: въ ночь на 12 марта 1898 года арестованъ въ Петербургѣ инженеръ-механикъ С. С. Костроминъ, занимавшійся статистикой и успѣвшій пріобрѣсть своими работами нѣкоторую извѣстность. Отправляясь въ тюрьму и не зная за собой никакой серьезной вины, Костроминъ говорилъ женѣ, что онъ, навѣрное, вернется черезъ нѣсколько дней. Зная, что мужъ ея человѣкъ въ высшей степени нервный, жена начала хлопотать объ освидѣтельствованіи его и объ отдачѣ на поруки или переводѣ въ больницу. 4 апрѣля Костроминъ пытался броситься внизъ съ лѣстницы въ домѣ предварительнаго заключенья и едва былъ удержанъ надзирателемъ, которому при этомъ искусалъ руки, крича: „убейте меня, я не могу больше жить!“ Его заперли въ камеру и дали бромистаго калія. Все это время жена, которая уже во время свиданія убѣдилась въ томъ, что мужъ ея опасно разстроенъ, — кидалась въ отчаяніи отъ одного представителя власти къ другому. Только 6-го апрѣля явился врачъ, который нашелъ Костромина „въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству“. Однако, и при этомъ условіи въ помѣщеніи Костромина въ больницу было отказано: „политическій арестантъ“ былъ лишь переведенъ внизъ, въ такую же камеру. Вечеромъ надзиратели видѣли его сидящимъ и моющимъ блюдечко, а черезъ нѣсколько времени — онъ уже найденъ „спокойно лежащимъ на кровати“: осколками разбитаго блюдечка онъ перерѣзалъ себѣ горло.

У Костромина были еще свѣжія связи съ недавними товарищами и вообще съ молодежью. Убитая горемъ жена его металась въ напрасныхъ попыткахъ спасти мужа не въ глухомъ лѣсу, а въ столицѣ, гдѣ десятки людей были вмѣстѣ съ нею потрясены и взволнованы. Готовилась опять „демонстрація въ видѣ панихиды“, но она не состоялась... Говорятъ, молодежь успокоилась, узнавъ, что жена подаетъ на дѣйствія прокурора Кичина жалобу въ законномъ порядкѣ...

Теперь вернемся опять къ той молодежи, которая въ глубокомъ молчаніи слушала успокоительныя рѣчи г-на Сергѣевича. Если бы можно было вскрыть какимъ-нибудь образомъ эти молодыя головы или снять эти мозги при посредствѣ какихъ-нибудь новыхъ рентгеновскихъ лучей, — можно ли сомнѣваться, что въ каждой молодой памяти, въ глубинѣ каждой молодой совѣсти — можно бы открыть эти два пятна, воспоминаніе объ этихъ двухъ драмахъ, созданныхъ безотвѣтственнымъ полицейскимъ строемъ...

Нужны-ли „опредѣленныя политическія убѣжденія“, чтобы

чувствовать ихъ давленіе, чтобы скорбѣть, негодовать, возмущаться при разсказахъ объ этихъ фактахъ?

Можно-ли сомнѣваться, что они залегли въ глубинѣ каждой души, можетъ быть, даже безсознательно, причиняя тупую боль, какъ отъ глубоко засѣвшей занозы.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, молодежь сама въ цѣломъ подвергается грубому насилію отъ представителей того же полицейскаго порядка, у самаго порога университета, насилію грубому и безпричинному. Мудрено ли, что она вздрагиваетъ вся цѣликомъ, „безъ различія направленій", точно отъ электрической искры? Нѣсколько студентовъ избито на набережной Невы, у дома № 8, — и всѣ высшія заведенія всей Россіи остановились. . .

Самая непропорціональность между сравнительно мелкой причиной и огромными размѣрами послѣдствій наводитъ на размышленіе, заставляетъ искать причинъ глубже, чѣмъ простое „школьное товарищество." Начальство въ разныхъ учрежденіяхъ различно, — но полиція и административная безотвѣтственность одинаковы всюду, и всюду молодежь является объектомъ административнаго полицейскаго произвола.

И вотъ она ожидаетъ, что скажетъ ей ея ректоръ, посредникъ между нею и остальнымъ нашимъ строемъ. Вчера еще онъ слишкомъ беззаботно грозилъ ей той же полиціей, не забывъ даже упомянуть „о высылкахъ изъ столицы", которыя она, къ сожалѣнію, знаетъ хорошо и безъ напоминаній. Но теперь, когда она подверглась грубому нападенію и насилію, — быть можетъ, она забудетъ личную обиду и вчерашніе свистки; быть можетъ, она вспомнитъ, что ректоръ — законный представитель униуверситета, что самое положеніе обязываетъ его вернуть молодежи вѣру въ законъ и право. Можетъ быть, онъ съумѣетъ доказать, что для борьбы съ произволомъ въ нашемъ отечествѣ есть другіе пути, кромѣ не вполнѣ законныхъ студенческихъ манифестацій.

Въ эту минуту, если бы В. И. Сергѣевичъ сознавалъ свое положеніе, если бы онъ рѣшился рискнуть своимъ оффиціальнымъ положеніемъ для исполненія своихъ обязанностей, какъ гражданина, — онъ могъ бы заставить забыть все прежнее и заслужить общее уваженіе.

Къ сожалѣнію, ректоръ С.-Петербургскаго университета только чиновникъ, и онъ не нашелъ сказать ничего, кромѣ банально-оффиціальной морали. Онъ распространяется о своей обидѣ, отождествляетъ себя съ верховною властью, говоритъ о неудобствахъ парламентаризма и „рѣшенія вопросовъ" скопомъ, предлагаетъ обдумать положеніе дѣлъ „наединѣ", пытается острить надъ „революціей въ домѣ № 8 по Набережной Невы". Мы убѣждены, что у г-на Сергѣевича были самыя благія намѣренія и что въ его лицѣ чиновникъ учебнаго вѣдомства стремился вполнѣ искренно къ „водворенію порядка во ввѣренномъ

учрежденія." Но несомнѣнно также, что его разговоръ со студентами былъ настоящей бесѣдой бюрократическаго мефистофеля съ юнымъ взволнованнымъ Вагнеромъ. Трезвый чиновникъ — онъ и не пытался реабилитировать „существующій строй" передъ идеальными запросами молодежи. Онъ и не думаетъ указать ей на существованіе законнаго исхода ея чувству. Онъ только высмѣиваетъ молодое негодованіе и обращается къ тому, что, къ счастью, всего слабѣе у молодежи, — чувству страха передъ послѣдствіями. О, онъ, конечно, не отрицаетъ возмутительности самаго насилія.

„Поводъ (безпорядковъ) дѣйствительно прискорбенъ", — говоритъ онъ студентамъ: — „*всѣ о немъ знаютъ и всѣ его осуждаютъ.*" „Вечеромъ (значитъ, до того, какъ я бесѣдовалъ съ вами) я былъ у градоначальника и просилъ его обратить вниманіе на происшедшее и подвергнуть наказанію виновныхъ. Затѣмъ я былъ у министра и сообщилъ ему даже примѣты этого поручика"... Но г-ну ректору хорошо извѣстно, что полиція въ Россіи судитъ себя сама, — и на устахъ мефистофеля играетъ саркастическая улыбка.

„Я нисколько не удивлюсь, — продолжаетъ онъ беззаботно, — если мнѣ сообщатъ вскорѣ, что поручикъ получилъ чинъ штабъ-капитана!" „Требовать можно всего, вы могли бы требовать даже райскихъ птицъ, но какова ихъ судьба въ нашемъ климатѣ!" Правда, молодежь требовала только элементарной неприкосновенности личности, только отвѣтственности полиціи передъ судомъ. Но... это, по мнѣнію ректора, „райскія птицы" при нашемъ строѣ. „Средствъ борьбы (за эти элементарныя права) нѣтъ." Поэтому ректоръ подаетъ благой примѣръ и... зоветъ ту же полицію уже въ самыя стѣны университета!

Такъ говорилъ благонамѣренный чиновникъ, защищающій существующій строй передъ молодежью, которую обвиняютъ въ „политическомъ движеніи". И замѣчательно, что въ гектографированномъ отвѣтѣ на эту рѣчь студенты отвѣчаютъ своему ректору, что они „далеко не такъ пессимистичны!" Трудно рѣшить послѣ этого, что, въ сущности, болѣе разрушительно: — волнующаяся студенческая масса, вѣрящая въ возможность добиться права и при „существующемъ строѣ", или эти ходячія формулы офиціальной благонадежности, эта офиціальная философія низости, рекомендующая подчинять законныя чувства негодованія не праву, а только существующей силѣ?

---

20 февраля въ № 41 „Правительственнаго Вѣстника" напечатано слѣдующее извѣщеніе: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го февраля въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ и затѣмъ распространившихъ-

ся на нѣкоторыя другія высшія учебныя заведенія, и о результатахъ его разслѣдованія представить на Высочайшее благовоззрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ упомянутыхъ заведеніяхъ обыденнаго порядка остается на обязанности начальниковъ сихъ заведеній."

Заявленіе это сразу внесло ноту значительнаго успокоенія въ настроеніе массы учащейся молодежи, и забастовка почти всюду прекратилась въ началѣ марта. Безъ сомнѣнія, достиженію полнаго успокоенія сильно мѣшали многія обстоятельства: неопредѣленность состава „комиссіи" генерала Ванновскаго, ея чисто „административный" характеръ, неувѣренность въ правильности пріемовъ ея разслѣдованія, и, всего больше, то обстоятельство, что полиція продолжала являться судьей въ своемъ дѣлѣ: „высланные изъ столицы" студенты не были возвращены, несмотря на то, что эта мѣра вытекаетъ съ неизбѣжностью изъ самаго назначенія разслѣдованія: студенты эти наказаны уже той самой властью, дѣйствія которой могутъ еще быть признаны неосновательными.

Въ Москвѣ высылка постигла больше 1000 студентовъ; въ Харьковѣ весь университетъ оказался уволеннымъ, и студентамъ предложено подавать новыя прошенія.

Какъ бы то ни было, разслѣдованію генерала Ванновскаго и имѣющему за нимъ послѣдовать рѣшенію — предстоитъ важная, почти историческая задача: отдѣлить дѣло административнаго произвола, осуждаемаго всѣмъ обществомъ, отъ „основъ существующаго строя", или еще разъ засвидѣтельствовать ихъ солидарность и неотдѣлимость... Разслѣдованіе, если оно должно быть „всестороннее", не можетъ ограничиться виновностью или оправданіемъ „поручика", за которымъ стоятъ, быть можетъ, гораздо болѣе виновные г.г. Кичины, Шмаковы, Пирамидовы, наконецъ весь строй безотвѣтственности. Оно должно выяснить настоящее значеніе явленія, указать, почему, несмотря на перемѣны въ уставахъ, въ программахъ, въ общественныхъ настроеніяхъ, — такъ называемые студенческіе безпорядки проходятъ черезъ всю исторію послѣднихъ десятилѣтій, отъ времени до времени глубоко потрясая все общество. Наконецъ, никогда еще, даже въ разгарѣ жгучаго революціоннаго броженія, — эти волненія не принимали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ именно въ послѣднее, сравнительно тихое время!..

Вѣритъ-ли молодежь въ плодотворность миссіи генерала Ванновскаго или сомнѣвается въ ней — сказать трудно. Кажется, скорѣе послѣднее. Во всякомъ случаѣ, — она прекратила безпорядки и выжидаетъ результатовъ.

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что настоящее движеніе не было несомнѣнно вызвано никакими политическими партіями, но также несомнѣнно, что оно возбуждено *политическими причинами.*

Молодежь съ болѣзненной чуткостью откликнулась на общее явленіе, которое называется административно-полицейскимъ произволомъ и составляетъ язву нашего гражданскаго и политическаго строя.

Сознаютъ ее всѣ классы общества, но расплачиваться приходится, главнымъ образомъ, молодежи.

И, быть можетъ, студенческія волненія — самая тяжелая форма расплаты и для молодежи, и для общества. Лучшая, наиболѣе энергичная и, пожалуй, наиболѣе честная часть юношества отбрасывается на житейскія бездорожья. Ея чуткость, ея энтузіазмъ, способность къ сильнымъ душевнымъ движеніямъ или теряется для Россіи, или направляется на исканіе выходовъ нелегальныхъ. Въ распоряженіи же общества и государства остается разбитое, познавшее стыдъ, чувствующее свою вину передъ погибшими товарищами большинство, которое, еще не вступивъ въ жизнь, уже преклонилось предъ мефистофельской мудростью. И если когда-нибудь представителямъ этого большинства, какъ нынѣ Сергѣевичу, выпадетъ на долю защита того строя, которому они служатъ, — они, какъ нынѣ ихъ ректоръ, не найдутъ сказать ничего, кромѣ сарказмовъ, и приглаcятъ всѣхъ къ подчиненію, потому что... это все-таки сила..

N. N.

III.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ПЕРІОДУ ДВИЖЕНІЯ.*)

Изъ бюллетеня 6-го дня по закрытіи университета.

...Сегодня приступили къ высылкѣ, и уже 70 человѣкъ вырваны изъ нашихъ рядовъ. Въ настоящемъ составѣ мы издаемъ этотъ бюллетень въ послѣдній разъ. Мы позаботились о томъ, чтобы наши преемники продолжали дѣло безъ перерыва. Мы же въ своемъ завѣщаніи желаемъ только еще разъ высказать ту основную точку зрѣнія, на которой мы все время стояли, и которую приняли и одобрили собранія студентовъ 9, 10 и 11 февраля. Настоящій протестъ — протестъ человѣческой личности, поруганной въ самыхъ элементарныхъ правахъ. Существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, при отсутствіи человѣческаго достоинства, является логическимъ противорѣчіемъ. Человѣческое достоинство несовмѣстимо съ казацкою плетью.

---

*) За недостаткомъ мѣста, мы приводимъ здѣсь только небольшую часть всего накопившагося у насъ матеріала.

Ред.

Поэтому мы закрываемъ Университетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны прочныя гарантіи личной неприкосновенности и судебной отвѣтственности ея нарушителей.

Требованія наши такъ скромны, что мы не можемъ уступить ни въ одномъ словѣ. Итакъ—закрытіе Университета, непрерывно, ежедневно, всѣми средствами, которыхъ будутъ требовать обстоятельства. Вотъ программа дальнѣйшихъ дѣйствій.

Если даже полиція перестанетъ осаждать Университетъ, но нѣкоторые профессора начнутъ чтеніе лекцій, то и тогда нужно держаться прежняго образа дѣйствій. Послѣ того, что происходило, какъ для студентовъ, такъ и для профессоровъ низко и позорно возвратиться въ позорныя стѣны — до удовлетворенія нашихъ требованій. Пусть снова высылаютъ, пусть разгромятъ и задавятъ, но добровольно мы не сдадимся. Тѣ изъ насъ, кто будутъ удалены съ поля борьбы, кромѣ сознанія исполненнаго долга, найдутъ нравственную поддержку въ не ослабѣвающихъ силѣ, энергіи и единодушіи движенія.

Мы избрали мирную борьбу для осуществленія нашей цѣли. Нашлись люди, которые заставили насъ прибѣгнуть къ обструкціи.

Ректоръ Сергѣевичъ и профессора, читавшіе лекціи въ присутствіи городовыхъ, несутъ отвѣтственность за это. Имена Сергѣевича, Фойницкаго, Исаева, Ведрова и Георгіевскаго наши наслѣдники запишутъ на позорномъ столбѣ.

Эти люди не должны болѣе появляться въ университетѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что среди студентовъ нашлось только 10 — 20 человѣкъ, рѣшившихся противиться общему рѣшенію.

Товарищи! Многихъ изъ насъ уже нѣтъ, многіе оставятъ строй въ эту ночь. Оставшимся мы передаемъ начатое дѣло, дѣло не только студенческое, но и общественное. Одинъ изъ арестованныхъ сегодня сказалъ, обращаясь къ окружающимъ товарищамъ: „*Больше стойкости!*" Запомнимъ-же эти слова! Средство, избранное нами, оказалось дѣйствительнымъ. Несмотря на всю силу, русское правительство принуждено считаться съ закрытіемъ всѣхъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга — съ общимъ протестомъ 10.000 человѣкъ.

Касса Взаимопомощи
Студентовъ С.-Петербургскаго Университета.

16-го февраля, С.-Петербургъ.

Изъ частнаго письма.

... Въ Петербургѣ существуетъ Коммерческое Училище. До самаго послѣдняго времени состояло оно изъ 6-ти общихъ классовъ и 2-хъ спеціальныхъ. Два года тому назадъ былъ прибавленъ III-ій спеціальный классъ. Воспитанники этого класса находи-

лись на особомъ положеніи и пользовались почти неограниченной свободой, — ее они сами завоевали послѣ цѣлаго ряда конфликтовъ съ начальствомъ. Какъ только у насъ (я самъ былъ въ III-емъ спец. кл. въ прошломъ учебномъ году) узнали о забастовкѣ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы присоединились къ забастовавшимъ. Лекціи у насъ прекратились, мы по утрамъ ходили къ университету, гдѣ бывали свидѣтелями очень интересныхъ сценокъ: на панели, у набережной, стоитъ толпа публики — смотритъ, какъ загоняютъ студентовъ въ манежъ. Полиція приглашаетъ публику разойтись — публика начинаетъ гулять. Околоточные и пристава обращались всегда къ отдѣльнымъ лицамъ съ предложеніемъ „расходиться“, и если эти лица не уходили сейчасъ-же, то ихъ преспокойно забирали въ участокъ. Обращается однажды полицейскій къ одному изъ моихъ товарищей; тотъ возразилъ, что публики такъ много, что пройти черезъ толпу никакъ нельзя. Вдругъ видимъ мы, какъ двое городовыхъ тащатъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нашего товарища съ высокой панели, сажаютъ его на извозчика съ городовымъ и ѣдутъ въ участокъ; мы всѣ отправляемся туда-же. Въ участкѣ видимъ нѣсколько человѣкъ, возмущенныхъ полицейскимъ произволомъ. Одинъ изъ нихъ, оказавшійся художникомъ, — обращается къ намъ: „вы вѣдь видѣли, господа, что я буквально ничего не дѣлалъ. Шелъ домой обѣдать, и вдругъ такая исторія.“ По освободить ни его, ни товарища намъ не удалось, — добились только того, что насъ всѣхъ въ участкѣ переписали.

Товарища нашего отпустили черезъ нѣсколько часовъ, и то лишь благодаря энергическому заступничеству со стороны его дяди-генерала, который самъ явился въ участокъ и сталъ разносить полицію совсѣмъ по-генеральски. Въ училищѣ начальство наше было чрезвычайно встревожено нашимъ поведеніемъ, тѣмъ болѣе, что волненіе начало передаваться въ I-ый и II-ой спец. классы. Про нашу забастовку стало извѣстно и въ Вѣдомствѣ Учрежд. Импер. Маріи, куда принадлежитъ наше училище. Стали оттуда появляться чиновники. Стали появляться и какіе-то полицейскіе. Кончилось тѣмъ, что, какъ мы узнали впослѣдствіи, насъ едва не закрыли и не выслали изъ Петербурга. Не случилось этого оттого, что нашему начальству не хотѣлось, чтобъ всѣмъ стало извѣстнымъ, какого рода направленіе господствуетъ въ училищѣ — въ среднемъ учебномъ заведеніи. Поэтому директоръ и Ко. упорно отрицали, разговаривая съ присланными чиновниками и съ полиціей, существованіе у насъ забастовки.

Но намъ начальство этого не простило и выпустило съ 11-ю баллами по поведенію (вм. 12-и) Поэтому всѣмъ, кончившимъ III-ій сп. кл. въ этомъ году, чрезвычайно трудно получить мѣсто въ Россіи. Насколько мнѣ извѣстно, пока только одинъ изъ всего выпуска получилъ мѣсто. Остальные ищутъ, но не находятъ.

Списокъ забастовавшихъ учебныхъ заведеній.

Присоединились къ движенію въ первый періодъ:

С.-Петербургскій университетъ . .	3694 чел.	10 фак.
Московскій университетъ	4500 чел.	16 фак.
Кіевскій университетъ	2796 чел.	17 фак.
Варшавскій университетъ	—— чел.	18 фак.
Технологическій институтъ . . .	1054 чел.	12 фак.
Институтъ Путей Сообщенія . . .	888 чел.	12 фак:
Лѣсной институтъ	502 чел.	12 фак.
Горный институтъ	480 чел.	12 фак.
Медицинская Академія	750 чел.	12 фак.
Электротехническій институтъ . .	233 чел.	12 фак.
Инст. Гражданскихъ Инженеровъ .	353 чел.	13 фак.
Историко-Филологическій институтъ	90 чел.	15 фак.
Академія Художествъ	258 чел.	14 фак.
С.-Петербургская Духовная Академія	252 чел.	—
Женскій Медицинскій институтъ .	370 чел.	12 фак.
Курсы Физич. Восп. (Лесгафта) . .	206 чел.	12 фак.
Высшіе Женскіе Курсы	960 чел.	13 фак.
Рождественскіе Курсы	236 чел.	13 фак.
Женскіе Педагогическіе Курсы . .	16[illegible] чел.	16 фак.
Московское Техн. Училище . . .	1000 чел.	15 фак.
Московскій институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія		18 фак.
Московскій Сельско-Хозяйственный институтъ		18 фак.
Кіевскій политехникумъ		17 фак.
Рижскій политехникумъ	1500 чел.	18 фак.
Институтъ въ Новой Александріи .		16 фак.
Зубоврачебные Курсы		

Впослѣдствіи къ движенію присоединились также университеты: Харьковскій, Юрьевскій, Одесскій, Томскій и Казанскій.

Петербургскому студенчеству отъ всего русскаго студенчества Женевскаго университета.

Товарищи! До насъ дошло извѣстіе о вашемъ благородномъ протестѣ противъ возмутительнаго гнета и произвола царскаго правительства и о вашемъ смѣломъ отстаиваніи правъ свободнаго университета. Не имѣя возможности личнымъ участіемъ выказать вамъ наше горячее сочувствіе, мы шлемъ вамъ искренній привѣтъ.

Здѣсь, въ странѣ политической свободы, весь ужасъ русскаго безправія еще виднѣе. Предъ нами, какъ живая, встаетъ

родная наша страна съ голодающимъ крестьянствомъ, — страна, гдѣ правительство, какъ гробовая крышка, навалилась на всѣ свободныя проявленія личности, страна, гдѣ лязгъ цѣпей и звонъ кандаловъ заглушаютъ крики поруганнаго человѣческаго достоинства! Въ такой странѣ можетъ быть понятенъ только одинъ призывъ, — призывъ къ активной борьбѣ. Смѣлѣй, товарищи! Съ вами и за васъ все честное и благородное.

Русское студенчество.

Женева, 8-го марта 1899 года.

Отъ Бернскихъ студентовъ и студентокъ.

Дорогіе товарищи! Мы, бернскіе студентки и студенты, выражаемъ наше товарищеское сочувствіе вашей мужественной, единодушной борьбѣ противъ насилія русскихъ властей, противъ наложенія грубой полицейской руки на науку и ея свободное развитіе.

Мы энергично протестуемъ противъ азіатскаго произвола и тѣхъ порядковъ, которые даютъ возможность расправляться казацкими нагайками съ лучшей, передовой частью нашего интеллигентнаго общества, давно уже выступившаго на борьбу за освобожденіе русскаго народа отъ гнета, убивающаго въ немъ все живое и прогрессивное.

Мы глубоко убѣждены, что наши товарищи не ослабнутъ въ неравной борьбѣ, пока не добьются свободы науки и ея учрежденій, пока не падетъ то ярмо, которое тяготѣетъ надъ всей русской жизнью. Да здравствуетъ русское борющееся студенчество!

Бернскіе студенты и студентки.

Секретный циркуляръ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати редакціямъ періодическихъ изданій.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться часто статьи о студенческихъ волненіяхъ, а равно письма и объявленія о прекращеніи высылки газетъ, порицающихъ студенческіе безпорядки. Ко вреду учащихся молодыхъ людей, такія публикаціи не только не способствуютъ возстановленію нормальнаго порядка въ средѣ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, но, напротивъ, поддерживаютъ возбужденіе

молодежи и косвенно поощряють ее къ дальнѣйшей неурядицѣ и тѣмъ самымъ парализуютъ усилія учебнаго вѣдомства къ возстановленію нормальнаго порядка въ университетахъ и къ умиротворенію студентовъ.

По приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст., Главное Управленіе по дѣламъ печати предлагаетъ редакціямъ повременныхъ изданій не касаться болѣе безпорядковъ, происходящихъ въ средѣ учащихся въ университетахъ и остальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и прекратить печатаніе объявленій о нежеланіи разныхъ личностей продолжать полученіе газетъ, не сочувствующихъ студенческимъ безпорядкамъ.

Подлинный подписалъ:

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати

Соловьевъ.

17-го марта 1899-го года.

IV.

КОМИССІЯ ВАННОВСКАГО.

Комиссія Ванновскаго была назначена 20-го февраля. Но еще до назначенія этой комиссіи стали высылаться безъ суда и слѣдствія многіе участники движенія. Такъ это было въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ. На высылаемыхъ указывала полиціи университетская администрація — ректоръ, инспекторъ и четыре его помощника (въ С. Петербургѣ), причемъ нерѣдко въ число высылаемыхъ попадали лица совершенно непричастныя къ движенію. Поэтому, назначеніе комиссіи имѣло двоякое вліяніе на учащихся.

Одни, болѣе дальновидные, понимали, что отъ комиссіи ожидать нечего. Это имъ доказывала, во-первыхъ, высылка товарищей, которые все еще сидѣли въ разныхъ городахъ и селеніяхъ имперіи и не возвращались даже для свидѣтельскихъ показаній, а, между тѣмъ, въ ихъ числѣ были довольно многіе пострадавшіе отъ нагаекъ 8-го февраля. Доказывали это также состоявшіеся немногіе допросы пребывающихъ въ Петербургѣ студентовъ, на которыхъ выяснилось, что комиссія носитъ чисто полицейскій характеръ, допытывается фамилій говорившихъ на сходкахъ студентовъ, старается проникнуть въ организацію Петербургской Студенческой Кассы Взаимопомощи, разспрашиваетъ о совершенно постороннихъ дѣлу обстоятельствахъ (напр., о студенческихъ вечеринкахъ, обыкновенно справляемыхъ 8-го февраля) и т. д. Кромѣ того, комиссія заставляла студентовъ, замѣшанныхъ въ какія нибудь политическія дѣла, излагать въ протоколахъ эти дѣла, причемъ не прови-

шившимся ни въ чемъ предлагали выразить въ протоколѣ раскаяніе и обѣщаніе впредь не участвовать въ движеніи. Однимъ словомъ, для одной части студентовъ было ясно, что цѣль комиссіи — выставить на показъ, что движеніе вызвано нѣкоторыми политически неблагонамѣренными лицами, и, кромѣ того, фамильярничаньемъ и любезничаньемъ съ нѣкоторыми изъ допрашиваемыхъ постараться успокоить умы взволнованной молодежи. „На дѣлѣ же генералъ Ванновскій даже категорически заявилъ, что студенты не останутся безъ наказанія за февральское движеніе“, — говорится въ студенческомъ воззваніи „Къ товарищамъ“ отъ 18-го марта.

Но другая, тоже значительная часть студенчества, смотрѣла на комиссію совсѣмъ иначе. Нельзя сказать, чтобы она особенно довѣряла комиссіи. Нѣтъ, этого не было. Но она руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе побочными причинами, и назначеніе комиссіи служило ей по большей части прикрытіемъ этихъ причинъ. Они громко заявляли, что одно назначеніе комиссіи уже такой успѣхъ, что студенчеству больше и желать нечего, что, продолжая безпорядки, студенты выразили бы явное недовѣріе къ монаршему слову и пошли бы противъ самого государя, лишились бы сочувствія общества и т. д.

Не малое вліяніе имѣли тоже разъѣзды министровъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ С. Петербурга, любезничанье съ студентами и рѣчи ихъ о томъ, что, дескать, пошалили уже вдоволь, пора опять за дѣло приняться. Наконецъ, страхъ за личную карьеру, слухи, что въ комиссіи будто бы участвуютъ всѣми уважаемыя лица, какъ академики Бекетовъ и Фаминцынъ, и что дадутъ студентамъ различныя права и привилегіи, — довершили остальное.

На сходкѣ 1-го марта, разрѣшенной ректоромъ и происходящей въ присутствіи ректора, неувѣренные все-таки еще въ себѣ антиобструкціонисты принимали всѣ мѣры, чтобы провалить обструкцію. При подсчетѣ голосовъ оказалось, что забастовка отклонена, хотя большинствомъ лишь одного голоса, и что, слѣдовательно, рѣшено уповать на комиссію. Къ подобному результату пришли другія учебныя заведенія Петербурга еще до 1-го марта. Среди нихъ особенно усердствовала Военно-Медицинская Академія и Институтъ Путей Сообщенія. Разумѣется, что рѣшеніе, принятое въ С.-Петербургскомъ университетѣ, вскорѣ распространилось и на другіе университеты, за исключеніемъ Кіевскаго.

Но спокойствіе было чисто внѣшнее. Недовольство проявлялось уже, во-первыхъ, въ требованіи возвращенія высланныхъ товарищей и принятіи ихъ обратно въ университетъ. Были сдѣланы учебному начальству довольно рѣшительныя заявленія, что, если до 15-го марта не будутъ возвращены товарищи, то безпорядки возобновятся. На этотъ разъ, начальство, вѣроятно, испугавшись громадныхъ размѣровъ движенія и видя

безсмысленность самого наказанія побитыхъ, поддалось, и еще раньше назначеннаго студентами срока полиція и учебное начальство попросили вернуться обратно всѣхъ тѣхъ, которые были высланы изъ Петербурга, впредь безъ права проживаніе въ какомъ бы то ни было университетскомъ городѣ. На высланныхъ было наложено для виду небольшое наказаніе (трехдневный карцеръ), которому вернувшіеся въ большинствѣ случаевъ не повиновались, считая его неправильнымъ.

Казалось, что уже полное спокойствіе возстановлено, и, можетъ быть, оно и дѣйствительно такъ вышло бы, если бы начальство не поскупилось на амнистію и вернуло бы и всѣхъ высланныхъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Но, вѣроятно, оно желало наказаніемъ провинціальныхъ университетовъ отстранить ихъ отъ вмѣшательства впредь въ подобныя движенія. Однако расчетъ оказался не вполнѣ вѣрный.

Дѣло обсуждалось на сходкѣ 18-го марта въ Петербургскомъ университетѣ, и подавляющимъ большинствомъ рѣшено было возобновить забастовку и распространить ее также и на экзамены и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены и приняты безъ наказанія обратно всѣ пострадавшіе въ этомъ движеніи товарищи всѣхъ университетовъ.

Возобновившееся движеніе, выходящее на этотъ разъ изъ Кіева, опять очень быстро распространилось на всѣ учебныя заведенія имперіи. На этотъ разъ правительствомъ рѣшено было поступать съ забастовавшими построже. Ко всѣмъ забастовавшимъ заведеніямъ примѣняли слѣдующую мѣру: исключали всѣхъ съ правомъ подачи прошенія объ обратномъ пріемѣ, причемъ ректоры могли принять или не принять. При прошеніи присовокуплялось обѣщаніе впредь въ точности повиноваться всѣмъ университетскимъ правиламъ, не собираться на сходки и т. п.

Петербургскіе студенты уже до увольненія знали отъ кіевскихъ товарищей объ этой мѣрѣ, и заблаговременно уже рѣшено было подавать всѣмъ прошенія съ вынужденнымъ заявленіемъ о повиновеніи правиламъ, такъ какъ большинству казалось, иначе отстаивать свои права было бы невозможно. Надо, впрочемъ, прибавить, что не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ была принята подобная резолюція. Студенты Томскаго университета, напр., рѣшили вовсе не подавать прошеній объ обратномъ пріемѣ до исполненія ихъ требованій, и не принудили ихъ къ этому даже такія мѣры, какъ угрозы мѣстнаго полицеймейстера неподававшихъ прошеніе и подлежащихъ призыву сдать въ солдаты.

Такъ какъ мартъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, то университетское начальство порѣшило не возобновить для вновь принятыхъ лекцій, такъ какъ въ такомъ случаѣ имъ прямо-таки невозможно было бороться противъ мирной забастовки студентовъ, а приступить послѣ 2 — 3 недѣльнаго чтенія (за все полугодіе) лекцій, прямо къ экзаменамъ. Притомъ примѣнялась

такая мѣра: приглашались на экзаменъ небольшія группы студентовъ въ разные часы, входъ въ университетъ обставлялся полиціей, пропускались въ университетъ только особенные избранники, по особымъ билетамъ и то въ одиночку. Но, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, проникали въ университетъ все-таки забастовщики, дѣло дошло до обьясненій на экзаменахъ, причемъ нѣкоторые профессора отказались экзаменовать, и товарищъ попечителя обѣщалъ хлопотать передъ министромъ о прекращеніи экзаменовъ, немыслимыхъ при подобныхъ условіяхъ. Между тѣмъ не принятымъ студентамъ оставалось только смотрѣть, какъ одинъ или два десятка антиобструкціонистовъ, идя рука объ руку съ готовымъ на все начальствомъ и нѣкоторыми экзаменаторами, губили общее дѣло. Конечно, дѣло долго не могло оставаться въ такомъ положеніи. И дѣйствительно, безъ всякихъ сходокъ, молчаливо было рѣшено привести въ исполненіе скрытое желаніе всѣхъ забастовщиковъ выступить болѣе рѣшительно противъ небольшой группы экзаменовавшихся.

Встрѣчаясь, въ большинствѣ случаевъ, въ студенческой столовой, забастовщики передавали другъ другу, что рѣшено собираться 30-го марта къ десяти часамъ около университета, стараться тамъ переубѣждать, въ случаѣ надобности не пропускать въ университетъ отдѣльныхъ, желающихъ экзаменоваться лицъ. На другой день около университета собралось слишкомъ пятьсотъ студентовъ, встрѣченныхъ такимъ же количествомъ полицейскихъ. Когда они—на приглашеніе полицеймейстера барона Нолькена разойтись — отказывались это дѣлать, всѣхъ ихъ забрали, отвели въ манежъ и заставили въ этомъ холодномъ, сыромъ сараѣ оставаться безъ пищи съ 10 часовъ утра до 3-хъ часовъ ночи. Потомъ развозили всѣхъ на извозчикахъ по разнымъ частямъ и тюрьмамъ столицы.

Помѣщеній оказалось слишкомъ недостаточно для такого громаднаго количества арестованныхъ. Такъ напр. около 150 человѣкъ были помѣщены въ казармахъ городовыхъ Александро-Невской части, причемъ всѣ должны были спать въ одной низенькой комнатѣ, — тѣсно сбитые другъ подлѣ друга на грязномъ полу и столь же грязныхъ тюфякахъ безъ подушекъ, безъ одѣяла. Само собою понятно, что на первое же утро оказалось нѣсколько заболѣвшихъ отъ недостатка воздуха и пищи и нѣсколько лишившихся чувствъ, которыхъ тогда отправили въ участковую больницу.

Въ этомъ помѣщеніи арестованныхъ держали дня три, и когда, на приглашеніе разъѣзжаться изъ столицы на свой счетъ, не всѣ этому послѣдовали, то упорствующихъ перевели въ пересыльную тюрьму для отправленія этапнымъ порядкомъ изъ столицы на разныя мѣста жительства.

Въ пересыльной тюрьмѣ опять задержка, опять дня три ознакомленіе со всѣми прелестями пересыльныхъ тюремъ, и потомъ, наконецъ, отправленіе съ конвойнымъ по городу на

станцію желѣзной дороги. Надо упомянуть, что власти все-таки не рѣшились выслать такое громадное количество этапнымъ порядкомъ и стали выдавать прогонныя.

На станціи отправляемыхъ ожидала масса сочувствующей публики. Виднѣлись заслуженные профессора, много военныхъ, дамъ, студентовъ, курсистокъ. Раздаются пѣсни, анаѳема Боголѣповымъ, Горемыкинымъ. Проводы повторяются нѣсколько дней на всѣхъ станціяхъ, и толпа достигаетъ нерѣдко громадной цифры нѣсколькихъ тысячъ. Полиціи это, конечно, непріятно. Надо же что-нибудь дѣлать, чтобы прекратить подобныя, на ихъ взглядъ, безобразія. И вотъ она опять, конная, бросается на мирно расходящуюся толпу, разгоняетъ ее, производитъ повсюду безпорядки и смятеніе. Въ городахъ, гдѣ полиціи недостаточно, какъ напр. въ Кіевѣ, Харьковѣ, объявляется военное положеніе и призываются войска, такъ какъ полиціи не справиться съ многочисленной толпой. Особенно свирѣпствовала полиція въ г. Ригѣ, гдѣ, при мирныхъ проводахъ высылаемыхъ, полиція тайкомъ арестовала одного студента Штейна, подозрѣваемаго въ числѣ зачинщиковъ, и, затащивъ его въ темную комнату жандармскаго отдѣленія, жестоко избила. Но здѣсь это тоже кончилось не совсѣмъ удачно для полиціи, такъ какъ товарищи арестованнаго, узнавъ о случившемся, энергично запротестовали, отправившись ночью въ полицейское управленіе, гдѣ добились освобожденія арестованныхъ, потомъ отправились къ замку губернатора, гдѣ получили обѣщаніе, что дѣло будетъ подробно разслѣдовано.

Послѣ таковыхъ массовыхъ высылокъ изъ всѣхъ университетскихъ городовъ, движеніе, конечно, немного затихло, и тѣ изъ экзаменаторовъ и экзаменовавшихся, которые окончательно потеряли стыдъ и совѣсть, могли подъ усиленной охраной полиціи уже безъ помѣхи довершить свое позорное занятіе.

Правительство, вынужденное громадными размѣрами движенія, наконецъ рѣшилось дать отчетъ о всемъ движеніи. 2-го апрѣля появилась въ Правительственномъ Вѣстникѣ статья, которая довольно безуспѣшно и часто противорѣчиво старалась выставить движеніе, какъ вызванное усиліями нѣкоторыхъ неблагонадежныхъ лицъ, причемъ неоднократно прибѣгало къ искаженію цифръ, фактовъ, касающихся объема и смысла движенія.

Послѣ доклада коммиссіи Ванновскаго, ничего существеннаго и всесторонняго въ себѣ не заключавшаго, послѣдовала царская резолюція: выговоръ студентамъ, полиціи и обществу!...

Изъ распоряженій правительства, послѣдовавшихъ позже и задѣвающихъ это движеніе, упоминаемъ о распоряженіи принимать всѣхъ обратно, за исключеніемъ тѣхъ, которые исключены съ лишеніемъ права вступленія въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе. Это распоряженіе даетъ поводъ надѣяться, что безпорядки возобновятся осенью, такъ какъ

требованіе студентовъ, помимо перваго главнаго требованія, гласитъ, чтобы были приняты обратно всѣ безъ исключенія пострадавшіе въ этомъ движеніи товарищи, и оно еще не уважено.

Затѣмъ можно указать еще на предполагаемое устроеніе для студентовъ чайныхъ вечеровъ, съ преніями и литературными занятіями подъ ближайшемъ надзоромъ учебнаго начальства.

Не могутъ успокоиться участники движенія такими результатами своихъ усилій. Не могутъ успокоиться, вспоминая участь товарищей, тѣхъ товарищей, съ которыми они такъ глубоко согласны, которыхъ они считаютъ такъ глубоко правыми и которые съ марта мѣсяца содержались въ одиночномъ заключеніи за то только, что они на сходкахъ послужили выразителями общаго мнѣнія и приняли на себя трудъ собирать свѣдѣнія о движеніи и излагать ихъ письменно. Не могутъ они успокоиться еще потому, что этихъ товарищей держали до іюля мѣсяца въ тюрьмѣ и *выпустили только послѣ четырехъ дней добровольной голодовки* и то только часть ихъ.

Движеніе, быть можетъ, затихло на время, но только на время, потому что недовольство не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены первыя требованія, пока не будутъ даны гарантіи неприкосновенности личности, пока личность не будетъ ограждена отъ дикаго произвола самодержавной администраціи.

Студентъ С.-Петербургскаго университета.

Іюль 1899-го года.

V.

МАТЕРІАЛЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КО ВТОРОМУ ПЕРІОДУ ДВИЖЕНІЯ.

Отъ Организаціоннаго Комитета Петербургскаго Университета.

Организаціонный Комитетъ считаетъ необходимымъ обратиться къ товарищамъ съ послѣднимъ словомъ, которое окончательно выяснило бы его программу и его отношеніе къ настоящему движенію и разсѣяло нѣкоторыя возникшія по поводу его послѣднихъ шаговъ недоразумѣнія. Этотъ листокъ будетъ служить такимъ образомъ, съ одной стороны, оправдательнымъ документомъ дѣятельности Комитета, а съ другой, какъ мы позволяемъ себѣ думать, и заключительнымъ словомъ настоящему движенію. Прежде всего необходимо выяснить происхожденіе самаго Организаціоннаго Комитета. На сходкахъ 9, 10 и 11 февраля въ университетѣ выяснилось два теченія. Предста-

вители и ораторы одного стояли за подачу петиціи о разслѣдованіи событія 8-го февраля, въ которой они желали поставить и вѣчный вопросъ объ измѣненіи устава. Представители второго выставили программу совершенно противоположную; сходки приняли ее подавляющимъ большинствомъ голосовъ, уполномочивъ ихъ осуществить эту программу. Изъ этихъ лицъ и образовалась первая группа Организаціоннаго Комитета въ числѣ семи человѣкъ. 15-го числа четверо изъ нихъ были исключены изъ университета и послѣ ареста высланы изъ Петербурга. Ихъ мѣсто заняли четверо кандидатовъ, избранныхъ первой группой на этотъ случай, и, такимъ образомъ, составилась вторая группа Организаціоннаго Комитета. Черезъ день и изъ этой группы былъ высланъ одинъ. Программа, выставленная нами и принятая на сходкѣ, состояла въ слѣдующемъ. Мы исходили изъ того положенія, что люди, человѣческое достоинство которыхъ поругано и которые настолько уважаютъ себя, что не могутъ съ этимъ поруганіемъ примириться, должны прежде всего протестовать и, конечно, требовать не только удовлетворенія за случившееся, но и обезпеченія на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ. Что же касается петицій о дарованіи всякихъ льготъ, то мы считали совершенно не совмѣстимымъ съ чувствомъ достоинства пользоваться подобнымъ поводомъ для выпрашиванія этихъ льготъ. Мы протестовали не только противъ даннаго событія; мы не могли ограничиться требованіемъ его разслѣдованія, предполагая даже, что оно будетъ вестись правильно. Мы разсматривали данное событіе, какъ единичный фактъ господствующаго въ Россіи строя, основаннаго на произволѣ безгласности и полной необезпеченности или даже отсутствіи самыхъ необходимыхъ, скажемъ болѣе, — священныхъ правъ развитой человѣческой личности. Протестъ нашъ былъ, такимъ образомъ, *протестомъ противъ царящаго въ Россіи произвола*, единственную гарантію противъ котораго мы видѣли въ *законѣ* и его неприкосновенности. Въ данномъ случаѣ мы требовали судебной отвѣтственности полиціи. Мы протестовали во имя права и закона противъ произвола и насилія. Мы прекрасно понимали, что въ Россіи на указанной почвѣ можно только протестовать, но получить удовлетвореніе, тѣмъ болѣе усиліями одной только учащейся молодежи, конечно, нельзя; а потому весь смыслъ настоящаго движенія мы видѣли именно въ протестѣ. Невозможность же удовлетворенія теперь, сейчасъ-же, вовсе не исключала, по нашему мнѣнію, необходимости протеста. Судьба всѣхъ первоначальныхъ движеній — быть подавленными; но однако каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло, и результатомъ цѣлаго ряда ихъ и будетъ достиженіе преслѣдуемой цѣли. Мы не только не питали на этотъ счетъ никакихъ иллюзій, но были увѣрены съ самаго начала, что правительство не поцеремонится произвести разгромъ университета,

такъ какъ у насъ въ Россіи даже нежеланіе быть битымъ безъ всякаго повода считается преступленіемъ, разъ это битье совершается по приказанію властей. Желая, тѣмъ не менѣе, заявить свой протестъ какъ можно громче и насколько возможно болѣе обезпечить себя отъ разгрома, мы и выработали ту практическую часть нашей программы, которая теперь осуществлена и дала такіе блестящіе результаты. Во-первыхъ, постановкой вопроса на общую почву униженія чувства человѣческаго достоинства мы объединили людей самыхъ разнообразныхъ направленій, а исключивъ всякія узкія партійныя политическія цѣли, мы придали движенію широкій общественный характеръ и дѣйствительное политическое значеніе. Во-вторыхъ, не желая дать возможности силой подавить нашъ протестъ, мы придали ему мирную форму отказа отъ занятій и фактическаго закрытія высшихъ учебныхъ заведеній. Благодаря тому единенію, съ которымъ откликнулись на нашъ призывъ студенты другихъ учебныхъ заведеній, намъ дѣйствительно удалось въ двѣ — три недѣли добиться фактическаго закрытія всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеній Россіи съ ихъ 30.000 составомъ учащихся. Этотъ небывалый фактъ поразилъ и общество, и правительство; замолчать и задушить его уже нельзя было, и поневолѣ правительство остановило готовившіяся жестокія репрессаліи. Практическимъ результатомъ нашего движенія, которому къ тому же помогли нѣкоторыя другія обстоятельства, говорить о которыхъ теперь мы считаемъ неудобнымъ, явилось назначеніе чрезвычайнаго слѣдствія съ генераломъ Ванновскимъ во главѣ. Даже этихъ результатовъ мы не ждали, и всякій пойметъ, что они еще далеко не соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ и нашей программѣ. Однако студенческая масса, увлеченная толкованіемъ, даннымъ этому разслѣдованію либеральною частью нашихъ профессоровъ, надѣясь съ помощью нѣкоторыхъ изъ нихъ получить кой-какіе практическіе результаты, о которыхъ мы не заботились, забыли совершенно о первоначальномъ значеніи своего протеста и первоначальныхъ своихъ желаніяхъ. Она избрала новый скользкій путь ходатайствъ и выпрашиванія милостей. Если бы масса сознательно относилась къ настоящему движенію, она поняла бы, что протестъ направленъ именно противъ порядка, при которомъ право и законъ не значатъ ничего, а значеніе имѣютъ только ходатайства и просьбы, милость и подачки. Воспитанная и искалѣченная мертвящимъ режимомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, студенческая масса не съумѣла удержаться на высотѣ положенія и дорожить высокимъ смысломъ своего протеста болѣе, чѣмъ всякими милостями.

Мы поняли, что останемся дальше въ меньшинствѣ и что проведеніе нашей радикальной программы становится дальше невозможнымъ. Мы не хотѣли также продолжать обструкціи, навлечь на себя нареканія въ томъ, что учащаяся молодежь,

благодаря нашему образу дѣйствія, лишится ожидаемыхъ ею результатовъ: и потому мы прекратили нашу дѣятельность еще 23-го февраля, о чемъ и заявили въ бюллетенѣ. Сходка 1-го марта только подтвердила наше предположеніе и оформила наше рѣшеніе. Наши либеральные благожелатели вырвали изъ нашихъ рукъ движеніе, и, если оно окончится ничѣмъ, и ихъ надежды не исполнятся, то на нихъ и должна пасть отвѣтственность за это. Благодаря имъ, студенты не дождались даже конца слѣдствія и его результатовъ. Лишивъ насъ возможности держаться дальше, либералы лишили и самихъ себя почвы, основываясь на которой, они и получили бы возможность выступить со своимъ ходатайствомъ. Что теперь отвѣтятъ имъ на ихъ ходатайство, мы угадывать не беремся. Если бы наши доброжелатели и наше общество, на которыхъ мы разсчитывали, воспользовались нашимъ протестомъ и дѣйствительно поддержали насъ, результаты были бы другіе. По поводу общественнаго сочувствія и хотимъ мы сказать еще нѣсколько словъ.

Намъ говорятъ, что мы сильны сочувствіемъ общества. Да, мы надѣялись на него, но въ значительной степени ошиблись, и та либеральная труха, которая поднялась на встрѣчу намъ, только запорошила намъ глаза, и мы потеряли изъ виду ту звѣзду, которая свѣтила намъ впереди. Общество намъ сочувствуетъ, но сочувствуетъ неподвижно и громко заявить о своемъ сочувствіи не смѣетъ. Да, мы имѣли полное право бросить ему этотъ упрекъ. Въ нашей удрученной скромностью печати до сихъ поръ раздался только единственный честный, но робкій голосъ. Неужели намъ утѣшаться тѣмъ, что только „Новое Время“ и „Народъ“ осмѣлились напечатать статьи, которымъ мы, изъ уваженія къ себѣ, не даемъ должнаго эпитета. Намъ говорятъ, что, упорствуя, мы лишимся этого сочувствія. Но можемъ ли мы дорожить такимъ сочувствіемъ и не честнѣе ли для самихъ сочувствующихъ умолчать о немъ! На насъ наводитъ ужасъ то невыносимое положеніе полной безгласности и безправія, въ которомъ прозябаетъ наше общество. 30.000 учащейся молодежи во всѣхъ концахъ Россіи волнуется, всѣ высшія учебныя заведенія закрылись, правительство готово примѣнить репрессаліи и жестоко расправиться со всѣми, а наше общество не только не осмѣливается поднять свой голосъ, но даже не смѣетъ желать объясненія этого явленія, не смѣетъ желать преданія его гласности.

Наука и просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ ними и носители ихъ — университеты — не могутъ существовать рядомъ съ такимъ строемъ. Между ними всегда будетъ происходить глухая борьба, сопровождаемая частыми взрывами, пока этотъ строй не измѣнится.

Касса Взаимопомощи Студентовъ
С.-Петербургскаго Университета.

С. Петербургъ, 4-го марта 1899 г.

Воззваніе.

Товарищи! Снова поредѣли наши ряды, снова понесли мы большія потери: мы лишились перваго Организаціоннаго Комитета, арестованнаго почти въ полномъ составѣ въ ночь на 21-е марта. Но суровыя репрессаліи не могутъ успокоить студенчество, поднявшееся въ защиту правъ личности, вставшее на борьбу съ произволомъ и насиліемъ. Каждая новая жертва только лишній разъ подтверждаетъ, что борющееся студенчество еще далеко отъ побѣды, что ему еще много дѣла впереди, что полицейскому произволу нѣтъ границъ, а пока существуетъ такой произволъ, пока товарищей безъ суда и слѣдствія исключаютъ и высылаютъ, — студенчество не можетъ сложить оружія.

Если мы снова поднялись, оскорбленные насиліемъ надъ провинціальными товарищами, то теперь, когда наши лучшіе, наиболѣе энергичные и самоотверженные товарищи, вся вина которыхъ въ томъ, что они, увѣренные въ нашей поддержкѣ, смѣлѣе насъ рисковали собой, вынося наше движеніе на своихъ плечахъ, — когда эти наши товарищи арестованы, неужели у кого-нибудь изъ насъ можетъ явиться мысль о позорномъ отступленіи? Неужели найдется студентъ, готовый прекратить участіе въ движеніи и цѣною гибели лучшихъ товарищей купить собственное мелкое благополучіе?

Вторая смѣна Организаціоннаго Комитета вѣритъ, что теперь, въ критическій моментъ борьбы, — въ моментъ, когда всѣ мелкія эгоистическія чувства должны сами собой уступить мѣсто чувству долга и товарищеской солидарности, — студенчество сплотится еще болѣе, еще дружнѣе, и единодушнѣе будетъ добиваться намѣченной цѣли, видя залогъ успѣшнаго достиженія ея въ возвращеніи всѣхъ безъ исключенія товарищей.

Послѣднія слова, переданныя намъ арестованными товарищами, касаясь движенія: „Мы вѣримъ, — успѣли сказать они намъ, — что наши товарищи будутъ продолжать дѣло движенія съ прежней энергіей". Мы должны помнить эти слова и оправдать надежды, возлагаемыя на насъ.

Вторая смѣна Организаціоннаго Комитета.

23 марта 1899 г.

Изъ листка „О солидарности".

Во все время движенія весьма часто произносилось слово „солидарность".

Несмотря на то, что наше движеніе не имѣло характера, если можно такъ выразиться, военной солидарности, нашлось много лицъ, которыя, во имя этой солидарности, уничтожали *всякую солидарность.*

. . . Нужно признать *солидарность* каждаго учебнаго заведенія не съ другими учебными заведеніями, даже въ предпринятомъ послѣдними отступленіи, а солидарность поступковъ со своими принципами. . . Если признать, что каждое учебное заведеніе солидарно въ своихъ постановленіяхъ съ внутренними требованіями движенія, то тогда никто никого не будетъ ждать, а каждое будетъ продолжать движеніе до полной своей раскассировки. *Чѣмъ болѣе они проникнуты этимъ, тѣмъ они будутъ солидарнѣе между собою.*

. . . Солидарность въ пунктуальномъ приложеніи единообразныхъ мѣръ для забастовки — неважна особенно. *Важно, чтобы движеніе носило исключительно принципіальный характеръ, — чтобы не было компромиссовъ въ пользу начальства и полиціи.*

*Общій Союзъ Иниціаторовъ.**)

25 марта 1899 г.

Изъ Кіева.

(Изъ частнаго письма).

. . . Въ университетѣ 9-го и 10-го марта происходило нѣчто въ высшей степени грустное. Студенты, числомъ свыше 1000, заявили ректору, что обсужденіе вопроса о возобновленіи лекцій состоится лишь послѣ того, какъ будутъ возвращены уволенные въ теченіе масленой ихъ товарищи (54 человѣка, изъ нихъ 19 безъ права поступленія въ университетъ), въ настоящее же время признаютъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію. Ректоръ отвѣчалъ, что самъ ничего сдѣлать не можетъ и что доложитъ попечителю. По уходѣ ректора всѣ присутствующіе на сходкѣ согласились, что будутъ препятствовать возобновленію лекцій; въ одной изъ аудиторій читалъ профессоръ Самофоновъ, къ нему подошли съ просьбою прекратить чтеніе, а когда тотъ не согласился, то одинъ изъ обструкціонистовъ сталъ читать вслухъ изъ какой то книги, вслѣдъ за тѣмъ поднялся шумъ, и старый профессоръ разрыдался. Студенты объяснили ему, что лично противъ него ничего не имѣютъ, а что касается до храма науки, ставшаго храмомъ насилія, то храмъ и безъ него держится на насиліи и т. д. Другая часть обструкціонистовъ двинулась къ физическому кабинету, дверь котораго была заперта на ключъ профессоромъ, читавшимъ въ это время. Дверь была выбита, и профессоръ выгнанъ, попавшагося по пути инспектора провожали бранью и, когда онъ заявилъ, что за оскорбленіе должностного лица они поплатятся особенно, студенты погнались за нимъ, — инспекторъ убѣжалъ, исчезъ и ректоръ.

*) Группа петербургскихъ студентовъ.

Ред.

На 4-мъ курсѣ медицинскаго факультета профессоръ Чирковъ лично переписалъ обструкціонистовъ и, когда одинъ изъ нихъ заявилъ, что это дѣло не профессора, то послѣдній отвѣтилъ, что „нынѣ времена смутныя, студенты не студенты, и профессора не профессора, а . . . — „ш п і о н ы“, услышалъ профессоръ и вознегодовалъ, а списокъ обѣщалъ представить ректору.

. . . Университетъ закрыли. Пріемъ прошеній уволенныхъ студентовъ былъ обставленъ въ Кіевѣ такъ, какъ, кажется, ни въ какомъ другомъ университетѣ. Студенты должны были подавать прошенія лично, и это понадобилось для того, чтобы каждый студентъ проходилъ черезъ шеренгу педелей и субъ-инспекторовъ, которые, послѣ предварительнаго очень внимательнаго и наглаго осмотра каждаго проходящаго, отмѣчали что-то въ своихъ книжечкахъ. Дѣлается это на глазахъ у всѣхъ и съ благой цѣлью отдѣлить правыхъ отъ виноватыхъ. Но эта цѣль никогда не достигается. Въ число уволенныхъ на масленой попали, напр., многіе ни въ чемъ неповинные. Одинъ изъ послѣднихъ, *Ашенбергъ*, былъ во время безпорядковъ даже не въ Кіевѣ и, между тѣмъ, былъ исключенъ безъ права поступленія. Это такъ подѣйствовало на 18-ти лѣтняго юношу, что онъ сошелъ съ ума. Вообще мѣстная молодежь сильно разнервничалась. . . Лекцій въ университетѣ еще нѣтъ. Вчера въ политехникумѣ забастовали.

N. N.

Изъ бюллетеня 33-го.

Первый день экзаменовъ прошелъ, — и экзамены, къ великому стыду для отступниковъ-студентовъ, состоялись, правда, при минимальномъ количествѣ желающихъ. Обстановка, при которой производились экзамены, была самая подавляющая, — и мы можемъ только изумляться, какъ сильно притуплено чувство собственнаго достоинства среди нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей. Наблюдать извивающуюся и кривляющуюся фигуру Сергѣевича, осквернившаго университетъ приглашеніемъ туда полиціи: выслушивать грозные, дерзкіе и неосмысленные окрики Лаврентьева, стоявшаго на краю даже офиціальной вѣжливости, созерцать длинную вереницу городовыхъ и околоточныхъ, отнынѣ неизбѣжные, повидимому, атрибуты университета; имѣть предъ собою жалкую фигуру Георгіевскаго, горько проливающаго крокодиловы слезы, видѣть, наконецъ, какъ на глазахъ прямо хватаютъ безъ всякихъ поводовъ нашихъ товарищей, быть свидѣтелями всей этой пошлости, подлости, гадости и произвола и оставаться при этомъ все время равнодушнымъ свидѣтелемъ, — да, много нужно для этого имѣть душевной черствости, жалкой, гадкой трусости и нравственной немощи.

Мы не станемъ рисовать картины экзаменовъ. Скажемъ только, что гг. „профессора“ вели экзамены подъ [...] Доб-

рыхъ друзей и защитниковъ и педелей. Упомянемъ еще объ одномъ инцидентѣ, который г. Грибовскій можетъ внести въ формулярный списокъ совершонныхъ имъ подлостей. Накануне экзамена г. Грибовскій счелъ нужнымъ заявить, что экзаменовъ производить онъ не намѣренъ. Велико же было изумленіе одного изъ его личныхъ знакомыхъ, студента Ашера, когда онъ увидѣлъ фигуру Грибовскаго за экзаменаторскимъ столомъ! Ашерь, пораженный столь быстрой измѣной своему собственному слову, подошелъ къ г. профессору и высказалъ свое удивленіе по поводу его присутствія. Въ отвѣтъ на это Грибовскій, громко назвавъ по фамиліи г. Ашера, попросилъ оставить его въ покоѣ. Педелямъ и прочей администраціи оставалось только принять къ свѣдѣнію эту громко высказанную фамилію.

... Мы еще разъ указываемъ товарищамъ, что теперь наступаетъ самый критическій моментъ борьбы. Требуется хладнокровіе и выдержанность. Малѣйшій поводъ съ нашей стороны вызоветъ весьма нежелательныя толкованія этого инцидента. Нужно помнить, что политика администраціи заключается въ томъ, чтобы нарушить спокойствіе въ массахъ и вызвать ихъ на открытый скандалъ.

Мы взываемъ къ чувству благоразумія товарищей, — какою-нибудь неосторожностью, вспышкою гнѣва, быть можетъ даже вполнѣ справедливою, можно разрушить и погубить общее дѣло. Будьте спокойнѣе, товарищи! Умѣйте подавлять въ себѣ личныя раздраженія: помните, что мы не одни: за насъ, какъ и въ первомъ движеніи, стоятъ *всѣ* высшія учебныя заведенія. Своею вспыльчивостью, излишнею горячностью мы можемъ лишь изгладить то впечатлѣніе внушительной, осмысленной силы, которое мы успѣли за эти два мѣсяца сознательной борьбы произвести и на общество, и на администрацію. Корректность поведенія, отличавшая все наше движеніе, пусть и теперь не покидаетъ насъ, и мы этимъ только лишній разъ докажемъ свое умѣніе стойко и выдержанно добиваться своихъ правъ. Несомнѣнно, что полиція, судя по ея поведенію въ понедѣльникъ, будетъ вести себя вызывающимъ образомъ, но мы надѣемся, что и на этотъ разъ она ошибется въ своихъ расчетахъ, какъ ошиблась и раньше...

Организаціонный Комитетъ

С.-Петербургскаго Университета.

30 марта 1899 года.

Отъ арестованныхъ студентовъ.

Товарищи! Мы, выбитые изъ строя, но не убитые, будемъ вести борьбу, пока есть хоть малѣйшая возможность.

Мы твердо увѣрены, что всѣ товарищи, находящіеся сейчасъ на свободѣ, не положатъ оружія и будутъ продолжать борьбу,

пока подъ поднятымъ нами знаменемъ будетъ стоять хоть одинъ человѣкъ.

Мы выражаемъ увѣренность, что организаціонный комитетъ, который честно и отважно несъ и несетъ свою трудную обязанность, не оставитъ дѣла безъ дальнѣйшаго руководительства.

120 обструкціонистовъ, заключенныхъ въ Рождественской части.

С.-Петербургъ, 2 апрѣля.
Административная тюрьма
при Рождественской части.

Изъ бюллетеня 37-го.

Центръ тяжести послѣднихъ событій несомнѣнно представляетъ вчерашнее Правительственное сообщеніе. Не можемъ скрыть, что мы прочли его съ чувствомъ глубокой грусти. Спрашивается, если Горемыкинъ и К° чувствуютъ себя правыми, зачѣмъ тѣ фактическія невѣрности, передержки, недомолвки, явныя извращенія фактовъ, которыми переполнено это огромное сообщеніе? Откладывая до завтра разборъ этого произведенія Горемыкина и К°, замѣтимъ только, что впервые еще подобное сообщеніе является не послѣ окончанія движенія, а въ его разгарѣ. Отсюда ясно, что это — тактическій пріемъ, холостой выстрѣлъ съ цѣлью запугать студентовъ, связать правительство и отрѣзать ему путь назадъ, предваривъ его рѣшеніе. Будемъ помнить, что цѣль Горемыкина — показать, что „бунтуетъ" кучка политикановъ, что послѣ ея удаленія осталось огромное стадо агнцевъ, жаждущихъ только попастись подъ предводительствомъ околоточнаго надзирателя на экзаменаціонныхъ пажитьяхъ, удученныхъ для нихъ тѣлами товарищей. Единственное средство борьбы, имѣющееся у насъ въ рукахъ — это отказаться отъ экзаменовъ и снова доказать, что большинство именно тамъ, гдѣ Горемыкинъ и присные его не хотятъ его видѣть, и что большинство это не окрашено никакой политической краской, а просто хочетъ, чтобы его не били и не высылали за то, что били...

Организаціонный Комитетъ С.-Петербургскаго Университета.

3 апрѣля 1899 г.

Изъ бюллетеня 38-го.

Вчера мы были свидѣтелями расправы зазнавшейся полиціи. Возвращавшіеся тихо съ проводовъ высланныхъ товарищей студенты были признаны манифестантами: полиція ихъ остановила, собрала толпу зѣвакъ и на этомъ основаніи сочла нуж-

нымъ „усмирять“. Нѣсколько человѣкъ студентовъ были арестованы и отправлены въ охотное отдѣленіе, причемъ мы были свидѣтелями слѣдующаго разговора:

— Вы куда?

— Въ столовую!

— А, вы разговаривать! Взять!

Комментаріи излишни.

Организаціонный Комитетъ
С.-Петербургскаго Университета.

По поводу „Правительственнаго Сообщенія“,

помѣщеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“
2 апрѣля 1899 года.

„Соединенный Организаціонный Комитетъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга“, 10 апрѣля, выпустилъ гектографированную статью, въ которой подробно разбираетъ правительственное сообщеніе о студенческомъ волненіи, указывая на умышленное умолчаніе, неточную передачу и прямое искаженіе истины, которыми изобилуетъ это сообщеніе.

Мы приводимъ здѣсь только вступительные и заключительные параграфы этой статьи, слишкомъ пространной для дословной передачи.

Ред.

Мы привыкли извѣстнымъ образомъ относиться къ правительственнымъ сообщеніямъ. Когда русское правительство рѣшается печатно высказаться о такихъ событіяхъ и движеніяхъ, которыя никто не смѣетъ гласно обсуждать, это значитъ, во-первыхъ, то, что эти событія и движенія — чрезвычайной важности, а во-вторыхъ, то, что давленіе изъ общественныхъ слоевъ не позволяетъ долѣе замалчивать подобныя явленія. Но русскіе люди знаютъ, что выступая гласно съ авторитетнымъ обсужденіемъ вопроса, правительство ведетъ хитрую и ловкую игру, въ которой ему нужно и „невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“.

На наше общество, съ его неокрѣпшей политической мыслью, гласность производитъ большое впечатлѣніе. Ужъ ради вѣры въ принципъ гласности оно готово вѣрить въ откровенность правительства...

Истину въ статью правительства нужно пустить ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы обыватели ахнувшіе отъ правительственной откровенности, повѣрили въ его

искренность и видимое безпристрастіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей правды, всей сути дѣла не узнали. Это очень хитрый пріемъ, и для него нужна большая опытность въ умственной эквилибристикѣ. На словахъ какъ будто и полная откровенность, а на дѣлѣ, — какъ бы правды то не узнали. Вотъ и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ составило правительство, какъ будто передавая безпристрастно весь ходъ событій, всѣ детали, — всю душу свою выворачиваетъ, а на самомъ то дѣлѣ объ очень и очень многомъ умалчиваетъ...

... Стоитъ только вспомнить, сколько разъ и съ какой напряженностью перерѣшался вопросъ о продолженіи забастовки, послѣ того какъ рѣшительная сходка 1 марта высказалась противъ.

Студенческое движеніе, поднятое въ такихъ размѣрахъ, похоже на волненіе рѣчной поверхности, когда въ воду брошенъ камень. Уже мѣсто паденія покрылось водяной гладью, а водяные круги идутъ все дальше и дальше, и нѣтъ силы ихъ остановить. Такъ и студенческое движеніе. И стоило только возникнуть новому проявленію произвола,*) какъ протестующее чувство, на мгновеніе смирившееся, съ новой силой заговорило во всѣхъ...

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ правительственное сообщеніе молчитъ; мало того — оно преднамѣренно отрицаетъ всякую связь перваго періода движенія со вторымъ, не выясняя сущности ни того, ни другого.

... При всѣхъ своихъ недостаткахъ правительственное сообщеніе оказываетъ важную услугу русскому общественному самосознанію. Въ самомъ дѣлѣ, передъ глазами изумленнаго читателя развертывается широкая картина грандіознаго студенческаго движенія. Читатель еще не знаетъ сути, правды, но онъ чувствуетъ, что совершается что-то важное, что-то необыкновенное. И въ недосказанныхъ словахъ читаетъ онъ, какъ люди, много людей приносятъ чему-то въ жертву свое благополучіе, свою судьбу, свою свободу. Тысячами правительство увольняетъ ихъ изъ учебныхъ заведеній, сотнями арестуетъ и сажаетъ въ одиночное заключеніе, переполняя тюрьмы, и, не находя мѣста, вагонами разсылаетъ изъ университетскихъ городовъ по всѣмъ концамъ Россіи. И читатель уже далекъ отъ мысли, что это — вспышка, что это — „студенческая исторія.“ Что-то другое видится ему за этими тысячами жертвъ; и кажется ему, что студенческое движеніе захватываетъ своими концами и его... Тяжело жить въ душной атмосферѣ, больше воздуха, больше простора!

Правительственное сообщеніе уже никого не испугаетъ, вводя въ свое изложеніе новый терминъ: „политическое“.

---

*) Арестъ и высылка товарищей провинціальныхъ университетовъ. Ред

Студенты громко заявили, что они не желаютъ быть битыми нагайками, что они не желаютъ, чтобы ихъ товарищей высылали безъ суда и слѣдствія. Студенты громко высказали протестъ противъ отсутствія въ Россіи правъ на физическую неприкосновенность. Если правительство называетъ этотъ протестъ противоправительственнымъ, политическимъ дѣломъ, пусть такъ...

Союзный Организаціонный Комитетъ
всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга.

10-го апрѣля 1899 года.

Отъ студентовъ Кіевскаго Союза.

Товарищи! Съ того времени, какъ ринулись на борьбу за свободу и неприкосновенность личности, мы получили безчисленное множество доказательствъ того же дикаго произвола, который въ знаменательный день 17 февраля подилилъ насъ всѣхъ, какъ одного человѣка.

Мы имѣемъ теперь цѣлый рядъ фактовъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ фактъ 8 февраля; изъ нихъ мы вкратцѣ повторимъ здѣсь: 1) возмутительная расправа съ нашими товарищами, учиненная нашимъ университетскимъ начальствомъ въ трогательнѣйшемъ союзѣ съ жандармеріей, расправа тѣмъ болѣе возмутительная, что ихъ грубая рука была направлена главнымъ образомъ на тотъ безправный элементъ, на который всегда сыплятся обвиненія съ тѣмъ, чтобы скрыть истинный смыслъ и значеніе фактовъ, 2) Варѳоломеевская ночь, учиненная славнымъ генераломъ Новицкимъ (въ тюрьмѣ 150 товарищей), 3) Дикое насиліе жандармеріи надъ Рижскимъ товарищемъ, 4) Возмутительное обращеніе въ тюрьмѣ, доведшее Московскаго товарища Ливена до самосожженія, 5) Высылка, массовые аресты во всѣхъ университетахъ, 6) цѣлый рядъ самоубійствъ, отравленій, вызванныхъ дикой вакханаліей начальства, и пр.

Товарищи! Неужели эти факты не достаточно краснорѣчиво говорятъ, что̀ намъ нужно дѣлать теперь, или, вѣрнѣе, чего намъ не нужно дѣлать теперь. Неужели насъ смутятъ тѣ немногіе карьеристы, которые не устояли передъ соблазномъ легкаго полученія зачетовъ, заглушивъ голосъ совѣсти. Забудемъ же на время свои личныя дѣла и мелкіе интересы! Въ послѣдній разъ мы призываемъ васъ, товарищи, постоять до конца, подобно всѣмъ другимъ нашимъ товарищамъ, за наше святое дѣло!

Союзный Совѣтъ Объединенныхъ Землячествъ.

29 апрѣля 1899 г.

„Египетъ“.[1]

1.

Надъ широкой рѣкой
Молчаливой четой
Пара сфинксовъ[2] стоитъ,
Ухмыляется.

2.

Фараоны[3] кругомъ
Всѣхъ колотятъ кнутомъ;
Пирамидовъ[4], прохвостъ,
Отличается;

3.

И пергаментъ живой
Подъ искусной рукой
Іероглифами весь
Испещряется.

4.

А на тѣхъ, кто потомъ
Недоволенъ кнутомъ,
Десять казней заразъ
Насылается.

5.

Весь народъ предъ бычкомъ
Возлегаетъ ничкомъ,
И рѣка каждый годъ
Разливается.

6.

А въ странѣ каждый годъ
Недородъ... недородъ...
А на помощь папирусъ
Марается.

7.

Какъ Мемнонъ, вся печать
Звукъ одинъ повторять,
Все „ура“ да „ура“,
Принуждается.

8.

Куча мумій сидитъ
И дѣла всѣ вершитъ;
А въ дѣлахъ — лабиринтъ
Заключается.

9.

Озирисъ не пойметъ,
Гдѣ тутъ правда живетъ,
Чтò и какъ въ той странѣ
Совершается.

10.

А одинъ крокодилъ[5]
Со слезами твердилъ,
Что закономъ страна
Управляется.

11.

Такъ неужто же я
Не въ Египтѣ, друзья?!
Иль во снѣ это мнѣ
Представляется?

---

1) Студенческое стихотвореніе по поводу побоища 8-го февраля.

2) Два сфинкса на набережной Невы, противъ Академіи Художествъ.

3) Прозвище полицейскихъ.

4) Фамилія начальника Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія.

5) Ректоръ С.-Петербургскаго Университета Сергѣевичъ, въ своихъ рѣчахъ увѣрявшій студентовъ, что Россія управляется на строгомъ основаніи закона.

Ред.

Въ память осады Кіевскаго Университета генераломъ Драгомировымъ. *)

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, величья полный,
Въ море шлетъ сѣдыя волны,
Нѣжась въ пышныхъ берегахъ,
Тамъ, гдѣ князь Владимиръ въ воду
Путь указывалъ народу,
Тамъ, гдѣ княжилъ Мономахъ,
Тамъ, гдѣ въ Лаврѣ знаменитой,
Дрянью смрадною набитой,
Обираютъ міръ попы,
Гдѣ во славу всей Россіи
Фабрикуются святые
И плодятся какъ клопы, —
Словомъ, въ Кіевѣ престольномъ,
Лаврой смрадною довольномъ
И грабительствомъ поповъ,
Въ этомъ славномъ градѣ Кія,
Кѣмъ гордится вся Россія,
Случай былъ, друзья, таковъ.

От бездѣлья иль отъ скуки
Созданъ былъ тамъ храмъ науки,
То-есть университетъ.
Но не ради просвѣщенья:
Въ томъ порукою гоненья
На науку много лѣтъ.
Подвергая пресѣченью
Всякой мысли проявленье,
Молодой либерализмъ,
По приказу тамъ Емели
Врали чушь и не краснѣли,
Восхваляя деспотизмъ.
И росло младое племя —
Для земли пустое бремя,
Да коптители небесъ.
Негодяевъ лишнихъ стая,
Безполезная для края...
Только сжалился Зевесъ.

Съ береговъ Невы туманной
Раздался призывъ желанный
Жертвъ злодѣя-палача:
Угнетенная свобода
Всѣхъ сзывала для похода
Противъ царствія бича.

---

*) Студенческое стихотвореніе, вызванное дѣйствительнымъ событіемъ въ Кіевѣ. Ред.

И неслись святые звуки
Въ храмахъ загнанной науки,
Свѣтъ забрезжилъ въ темнотѣ.
Молодая Русь возстала
И девизъ свой начертала:
„Со щитомъ иль на щитѣ!“

И волною переливной
Долетѣлъ сей кличъ призывный
Въ матерь русскихъ городовъ.
Взволновалъ онъ храмъ науки,
Поднялись въ оковахъ руки,
Дабы сбросить гнетъ оковъ.
Зашумѣла Русь младая,
Свѣтомъ истины пугая
Мракобѣсія жрецовъ, —
Членовъ той позорной шайки,
Что хвалу поютъ нагайкѣ
Хоромъ наглыхъ голосовъ.

Ректоръ, — жрецъ достойный мрака, —
Распустивши фалды фрака,
Къ Драгомирову бѣжитъ;
Полный страха и смятенья,
О студенческомъ движеньи
Онъ воякѣ говоритъ.
Проситъ именемъ всей шайки
Постоять за честь нагайки
Силой пушекъ и штыковъ,
Чтобъ, внушивъ къ кнуту почтенье,
Усмирить скорѣй волненье
Либеральныхъ молодцовъ.
Но воякѣ, безъ сомнѣнья,
Показалось предложенье
Смѣхотворной чепухой.
„Мнѣ-ль“, воскликнулъ онъ, „герою,
Брать науки храмы съ бою!
Мнѣ-ль, съ моею сѣдиною,
Нажитой въ бояхъ съ врагами,
Награжденному чинами
За побѣды здѣсь и тамъ,
Вдругъ начать играть въ игрушки,
Посылать солдатъ и пушки
Съ бою брать науки храмъ!
И притомъ наука — дама...
На себя такого срама
Не могу я принимать;
Я — герой, царемъ почтенный,
Сѣдинами убѣленный,

Мнѣ-ли съ бабой воевать?
Ха, ха, ха!“ — Герой залился —
Ректоръ видимо смутился
И скорѣе утекать,
А министру только пишетъ:
„Драгомировъ глухъ — не слышитъ
И не хочетъ понимать.
Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата,
Я героя умолялъ,
Онъ же рѣчь завелъ о дамѣ,
О какой — спросите сами,
Ибо онъ мнѣ не сказалъ.
Очевидно, старичишка
И послѣдній-то умишко
На сраженьяхъ потерялъ“.
Вняли ректора посланью,
И министра приказанье
Къ Драгомирову летитъ:
„Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата!“ —
Приказаніе гласитъ.
И герой безъ замедленья
Исполняетъ порученье:
Храмъ науки съ бою брать,
Смѣло съ бабой воевать.
Вырвавъ клокъ волосъ съ досады,
Двинулъ онъ свои громады —
Силу пушекъ и штыковъ.
Размѣстилъ все войско стройно
И стоитъ себѣ спокойно,
Къ нападенію готовъ:
Ждетъ геройски супостата,
Но, увы! безъ результата.
Ждетъ онъ день и ждетъ другой —
Непріятеля не видно.
„Это-ль, право, не обидно!“
Мыслитъ старенькій герой,
Отъ обиды еле дышитъ
И министру тотчасъ пишетъ
Лаконическій отвѣтъ:
„Занятъ постъ. Готовъ и къ бою,
Какъ и слѣдуетъ герою,
Непріятеля же нѣтъ!“
И за это донесенье
Получилъ онъ назначенье,
Заграницей погулять,
Чтобъ министра понимать.

VI

ОТДАЧА „БЕЗПОКОЙНЫХЪ" СТУДЕНТОВЪ ВЪ СОЛДАТЫ.

Письмо изъ Россіи. *)

Испытавъ всѣ мѣры насилія, произвола и безчеловѣчія въ борьбѣ съ несчастною учащеюся молодежью, перепробовавъ всякія увольненія, исключенія, высылки, ссылки и аресты, — русское правительство нашло необходимымъ увѣнчать воздвигнутое имъ зданіе, и результатомъ этого явилось высочайшее повелѣніе отъ 29 іюля (ст. ст.), которое по своему беззаконію и по своей жестокости превосходитъ все, чего можно было ожидать.

Въ особомъ совѣщаніи шести министровъ: внутреннихъ дѣлъ — Горемыкина, народнаго просвѣщенія — Боголѣпова, земледѣлія — Ермолова, финансовъ — Витте, военнаго — Куропаткина и юстиціи — Муравьева, были выработаны временныя правила, удостоившіяся, какъ уже сказано, высочайшаго утвержденія. Въ названіи этихъ правилъ кроется ложь, безъ которой наше правительство, какъ извѣстно, не можетъ ступить шагу, а по формѣ изданія и по содержанію эти правила нарушаютъ цѣлый рядъ законовъ, не исключая и основныхъ. . .

„Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній", такъ начинается новый законъ, „за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію подлежатъ удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, — хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребію номеръ, освобождающій отъ службы. Для разсматриванія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ 1 ст., при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній образуется совѣщаніе въ составѣ: предсѣдателя (попечителя учебнаго округа, а въ случаѣ необходимости, одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній, особо назначеннаго для сего министромъ лица), членовъ педагогической коллегіи, коей предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ — военнаго, внутреннихъ дѣлъ (жандарма) и юстиціи (ст. 2). Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или письменныхъ объясненій (ст. 4). Совѣщаніе имѣетъ право

*) Изъ № 4 „Рабочаго Дѣла".

отдавать въ военную службу на одинъ, два или три года. Последнее для тѣхъ, которые принимали особенно дѣятельное въ безпорядкахъ участіе (ст. 5). Определеніе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, (въ вѣдомствѣ котораго находится учебное заведеніе). Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ (ст. 6) и исполняется немедленно (ст. 7), причемъ, если подлежащій зачисленію въ войска окажется по медицинскомъ освидѣтельствованіи неспособнымъ къ службѣ въ строю, то онъ опредѣляется на должности нестроевыя (ст. 8). Военному министру предоставляется по прошествіи года ходатайствовать передъ его величествомъ объ освобожденіи отъ службы отданныхъ на большій срокъ (ст. 9). Наконецъ, проступки исправно отбывшихъ службу въ войскахъ предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу".

Самый краткій анализъ этихъ правилъ показываетъ:

1. Что новое преступленіе плохо обозначено и даетъ поводъ къ какому угодно толкованію. Упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій — это еще сколько-нибудь опредѣленное понятіе, но что такое безпорядки, — это ужъ всякій попечитель, генералъ, жандармъ или прокуроръ можетъ толковать по-своему. Возбужденіе къ безпорядкамъ внѣ учебныхъ заведеній — еще болѣе неуловимое понятіе, и подъ него можно подвести любое дѣйствіе студента.

2. Что особый судъ изъ членовъ педагогической коллегіи усиливается представителями военной силы, жандармеріи и юстиціи, но нѣтъ въ немъ представителей отъ студентовъ.

3. Что этотъ исключительный судъ возвращается къ инквизиціонному порядку, что въ немъ нѣтъ особаго обвинителя, а обвинителями являются сами судьи; что въ немъ нѣтъ мѣста защитѣ, равно какъ и нѣтъ права обжалованія, — словомъ, что это не судъ, а какой-то инквизиціонный трибуналъ, совѣтъ трехъ, судъ III-го отдѣленія или тому подобное.

4. Что этому суду представляется нарушать самымъ вопіющимъ образомъ существующіе законы: отдавать въ солдаты лицъ, не достигшихъ призывного возраста, напр. 18-лѣтнихъ студентовъ, льготныхъ, напр. единственнаго сына старухи-матери и т. д.

5. Что этому суду предоставляется отдавать студентовъ въ солдаты, даже если они больны, хромы, слѣпы, — и тогда эти студенты будутъ кашеварами, денщиками и т. д.

6. Что этому суду предоставляется отдавать студентовъ въ солдаты не только на одинъ или два года, какъ предписываетъ законъ, но и на три года.

7. Что, вопреки общему закону, дозволяющему на всякое дѣйствіе министра приносить жалобу въ сенатъ, рѣшенія министровъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты не подлежатъ обжалованію.

8. Что эти безапелляціонныя рѣшенія будутъ постановляться по крайней мѣрѣ пятью разными министрами, такъ какъ у насъ есть высшія учебныя заведенія, подвѣдомственныя министрамъ: народнаго просвѣщенія, военному, финансовъ, юстиціи и земледѣлія, — и что за одни и тѣ же безпорядки могутъ послѣдовать самыя различныя наказанія.

9. Что такой законъ, какъ эти „временныя правила", отмѣняющія и законы объ учрежденіи министровъ, и уставы судебные, и уставъ о воинской повинности, по русскимъ основнымъ государственнымъ законамъ не могъ быть изданъ въ той формѣ, въ какой онъ послѣдовалъ. Всякій законъ, такъ гласятъ наши основные государственные законы, можетъ быть отмѣняемъ лишь равносильнымъ закономъ. Между тѣмъ, учрежденія министерствъ, судебные уставы и уставъ о воинской повинности прошли всѣ законодательныя стадіи и суть *уставы*, а потому не могутъ быть отмѣняемы *указами*, „объявленными" черезъ министра, какъ настоящія „временныя правила".

Оказывается, что слабому и всевѣдущему царю министры подсунули законъ, нарушающій не только общіе, но и основные государственные законы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „временныя правила" будутъ имѣть роковыя послѣдствія и вызовутъ сотни, если не тысячи, новыхъ жертвъ. Къ несчастью, въ Россіи нѣтъ возможности указать на это; единственные люди, которые могли бы обратить на это вниманіе царя, — министры. Да вообще наши министры заинтересованы въ томъ, чтобы по возможности напугать и безъ того испуганнаго царя и выставить себя и свои мѣропріятія единственнымъ его спасеніемъ. Жандармерія и во главѣ ея Горемыкинъ спеціально хлопотали о томъ, чтобы провоцировать волненія и оправдать этимъ не только свои гнусности, но и свое существованіе.

Такимъ образомъ, правительство, вмѣсто того, чтобы загладить свои преступленія передъ студенчествомъ, въ которыхъ публично признался самъ царь въ своемъ манифестѣ отъ 21 мая; вмѣсто того, чтобы устранить безобразія, водворившіяся въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній, какъ то призналъ самъ министръ Боголѣповъ въ своемъ циркулярѣ, — создаетъ новыя беззаконія, новый терроръ, — терроръ не только тюремъ, но и казармъ.

Бѣдная Россія!

* * *

Замѣчаніе редакціи „Рабочаго Дѣла":

„Временныя правила" противъ лучшихъ элементовъ студенчества несомнѣнно увеличатъ ряды борцовъ противъ самодержавія. Само правительство толкаетъ студентовъ съ новой силой на дорогу политической борьбы, и не только студентовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ тлѣетъ хоть искра честнаго возмущенія противъ насилія.

VII.

ПО ПОВОДУ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Разсматривая общее значеніе прогремѣвшаго въ началѣ прошлаго года „студенческаго" движенія, мы должны, прежде всего, замѣтить, что внѣшнее сочетаніе обстоятельствъ, давшее первоначальный толчокъ происшедшимъ событіямъ, само по себѣ не представляетъ ничего такого, чего нельзя было ожидать при существующемъ порядкѣ вещей въ Россіи. Циничное оскорбленіе со стороны охранителей государственнаго строя, основательно возмутившее учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній, является лишь блѣднымъ образцомъ того, чему въ несравненно сильнѣйшей степени и непрерывно подвергается по всей Россіи безправный и безгласный рабочій народъ. Разница только въ томъ, что простой народъ притѣсняется правительствомъ втихомолку, не имѣя возможности ни огласить своихъ оскорбленій и страданій, ни сплотиться для совмѣстнаго протеста и отпора; между тѣмъ какъ на этотъ разъ правительственные слуги имѣли неосторожность примѣнить, на берегахъ Невы и при свѣтѣ дня, надъ непривыкшею къ этому молодежью привилегированныхъ классовъ тѣ пріемы, которые они безпрепятственно употребляютъ повсюду, куда свѣтъ гласности еще не проникаетъ.

Съ одной стороны, поощренные дикимъ режимомъ двухъ реакціонныхъ царствованій, — прошлаго и настоящаго, — административныя власти дошли до такой распущенности, что позабыли, въ этомъ частномъ случаѣ, надѣть тѣ перчатки, которыя русское образованное общество привыкло видѣть на порабощающей его рукѣ. Съ другой стороны, они неожиданно натолкнулись на людей, не вполнѣ еще успѣвшихъ примириться съ обычной практикой жизни и стать такими же пассивными орудіями въ рукахъ правительства, каковыми являются старшіе представители этой же самой интеллигентной среды. Въ результатѣ получилось то, что причастныя къ этому дѣлу правительственныя лица возбудили не только всеобщее общественное негодованіе, къ которому они совершенно равнодушны, но также и неудовольствіе верховной власти, усмотрѣвшей въ ихъ поведеніи нѣкоторую безтактность; благодаря чему, одному министру представился удобный случай наговорить нѣсколько громкихъ, почти либеральныхъ фразъ, другому пришлось слетѣть съ своего мѣста, а третьему удалось сѣсть на это мѣсто и теперь предстоитъ позаботиться о томъ, чтобы, закручивая руки „чистой публикѣ", — если это дѣлается на виду у всѣхъ, — административные чины впредь отнюдь не позволяли себѣ пренебрегать нѣкоторыми пріемами учтивости, установленными по отношенію къ привилегированнымъ классамъ.

Все это нисколько не измѣняетъ дѣйствительнаго положенія вещей, и такъ это старо, обычно и пошло, что не заслуживало бы особеннаго вниманія, — еслибы только оно, косвеннымъ образомъ, не послужило обнаруженію одного весьма знамена-

тельнаго явленія, а именно — того, что въ русскомъ образованномъ обществѣ, — несмотря на все его казавшееся безнадежнымъ раболѣпіе передъ предержащими властями, — сохранилась еще, какими то судьбами, искра человѣческаго достоинства, готовая кое-когда разгораться въ яркое пламя.

Совершенно неожиданно, столько же для самого общества, какъ и для правительства, оказалось, что въ той самой средѣ, изъ которой малѣйшіе задатки независимости такъ систематически, продолжительно и, какъ казалось, успѣшно вытравлялись правительствомъ, и которая давно, повидимому, привыкла малодушно мириться со всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ потери своего обезпечиваемаго правительствомъ матеріальнаго достатка, — что въ этой самой средѣ, подрастающія поколѣнія до сихъ поръ еще не успѣли выродиться въ безжизненныхъ автоматовъ.

Вотъ этому то проявленію свободнаго человѣческаго духа среди погруженнаго въ спячку общества мы и придаемъ серьезное значеніе, какъ залогу возможности лучшаго будущаго. И мы съ волненіемъ и радостью привѣтствуемъ это явленіе, желая видѣть въ немъ первый проблескъ новой эры въ жизни русскаго общества.

* * *

Мы далеки отъ желанія идеализировать молодежь или льстить ея самолюбію, тѣмъ болѣе, что она, и безъ того, часто страдаетъ преувеличеннымъ представленіемъ о значеніи своей дѣятельности. Но именно потому, что она не всегда располагаетъ вѣрною перспективою сравнительной важности того, въ чемъ принимаетъ участіе, — намъ кажется желательнымъ, чтобы люди, безпристрастно наблюдающіе со стороны поведеніе молодыхъ поколѣній, не стѣснялись выражать имъ свое сочувствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаютъ что-нибудь дѣйствительно хорошее и значительное. А въ поведеніи русской молодежи въ данномъ случаѣ несомнѣнно было много и хорошаго, и значительнаго, — много такого, что̀ внушаетъ самое горячее сочувствіе.

При господствующемъ въ Россіи печальномъ общественномъ настроеніи, нельзя ожидать никакого улучшенія доселѣ удержавшагося дикаго государственнаго строя, помимо двухъ необходимыхъ условій: нужно, во-первыхъ, чтобы люди, живущіе подъ гнетомъ этого строя, перестали относиться равнодушно къ своему положенію, — стали бы способными сознавать свое униженіе, возмущаться и негодовать; и, во-вторыхъ, чтобы возмущались они не въ одиночку и не исподтишка, а сообща и открыто. Еслибъ только осуществились эти два условія, то очень скоро воспослѣдовали бы и соотвѣтствующія измѣненія во всемъ внѣшнемъ строѣ общественной и государственной жизни.

И вотъ, въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ, русскіе студенты и ихъ товарищи другихъ учебныхъ заведеній показали всему обществу, что они обладаютъ этими двумя основными

условіями всякаго общественнаго прогресса: у нихъ оказалось достаточно чуткости, чтобы отъ глубины души возмутиться тому, что дѣйствительно возмутительно, и достаточно взаимной солидарности, чтобы сплотиться въ неслыханномъ по единодушію, безстрашію и грандіознымъ размѣрамъ протестѣ противъ того безобразнаго зла, съ которымъ имъ пришлось лицомъ къ лицу столкнуться при первыхъ шагахъ своего вступленія въ сознательную жизнь.

Въ этомъ протестѣ молодежи замѣчательно еще и то, что, несмотря на свое воодушевленіе и свои размѣры, онъ, съ самаго начала и до конца, сохранилъ ту форму, которая наиболѣе цѣлесообразна въ борьбѣ со всякимъ началомъ насилія и зла; а именно — форму пассивную, чисто отрицательную, состоящую въ воздержаніи отъ участія въ томъ, что признано слишкомъ унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Этому миролюбивому характеру студенческаго протеста и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ приписать необычайно благопріятное и сильное впечатлѣніе, имъ произведенное на общество.

Несмотря на то, что вопросы, непосредственно затронутые этимъ студенческимъ движеніемъ, касались только одной частной стороны общественной жизни, — тѣмъ не менѣе всѣ почувствовали, что происходитъ нѣчто, имѣющее самое широкое общественное значеніе, и что движеніе это, по своей искренности, свѣжей силѣ и благородству, принадлежитъ къ совсѣмъ иному разряду явленій, чѣмъ тѣ мелкія пошлости и крупныя подлости, которыя, подъ названіемъ государственной и международной политики, наполняютъ дѣятельность всевозможныхъ правителей и столбцы ежедневныхъ газетъ.

Подъемъ духа, начавшійся на школьной скамьѣ, распространился сначала на родственниковъ, друзей и знакомыхъ оскорбленныхъ юношей; затѣмъ расширяющимися кругами разошелся дальше и дальше; пока, наконецъ, все общество не взволновалось подъ наплывомъ давно ему невѣдомаго чувства возмущенія. Даже въ самыхъ закоснѣлыхъ чиновничьихъ и аристократическихъ кругахъ послышался ропотъ негодованія. И когда раздалась съ престола брюзгливая жалоба на *„возмущенное волненіями учащагося юношества общественное спокойствіе“* и *„вмѣшательство общества въ сферу правительственныхъ распоряженій“*, вмѣсто *„содѣйствія усиліямъ правительственныхъ властей“*, — жалоба, подкрѣпленная дерзкою угрозою о томъ, что *„подобныя смуты на будущее время не могутъ быть терпимы и должны быть безъ всякаго послабленія подавляемы строгими мѣрами правительства“*,*) — то этотъ „высочайшій выговоръ русскому обществу“, какъ его окрестили, былъ встрѣченъ всеобщимъ взрывомъ смѣха...

*) См. опубликованное въ періодической печати „Правительственное Сообщеніе“ по поводу доклада генерала Ванновскаго о студенческихъ волненіяхъ.

Какъ же, въ наше время, не радоваться такому, хотя бы только и временному, оживленію общественнаго сознанія, и не почувствовать глубокой благодарности къ тому юношеству, которому удалось ввести токъ свѣжей жизни въ оцепенѣвшій отъ равнодушія общественный организмъ?

* * *

Пессимисты указываютъ на то, что студенты, запуганные, будто бы, угрозою солдатчины, въ концѣ концовъ успокоились и пошли на уступки. Университеты, какъ намъ сообщаютъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, переполнены слушателями, несмотря на то, что никакихъ существенныхъ уступокъ правительство не сдѣлало. И высказывается мнѣніе, что не стоило съ такимъ шумомъ огородъ городить для того, чтобы сейчасъ же предоставить всему дѣлу сойти на нѣтъ.

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого разочарованія. Смыслъ состоявшагося движенія мы видимъ въ томъ, на что̀ выше указали, а никакъ не въ борьбѣ съ правительствомъ, которой сама молодежь, быть можетъ, и придаетъ преобладающее значеніе.

Не говоря о томъ, что серьезная борьба съ какимъ бы то ни было утвердившимся началомъ, — для того, чтобы быть успѣшной, — требуетъ такого глубокаго предварительнаго проникновенія въ условія, на которыхъ оно зиждется, какимъ только что вступающее въ жизнь юношество наврядъ ли можетъ располагать; не говоря даже о томъ, что непроизводительно тратить силы на борьбу съ внѣшнимъ проявленіемъ, а не съ внутреннимъ источникомъ зла, какъ дѣлаютъ тѣ, кто борются непосредственно съ правительствомъ вмѣсто того, чтобы бороться съ тою тьмою въ сознаніи людей, которая побуждаетъ преобладающія массы населенія страны поддерживать правительство, не могущее продолжать существовать независимо отъ этой поддержки; — не говоря объ этомъ, если даже и допустить цѣлесообразность внѣшней борьбы съ правительствомъ, то, во всякомъ случаѣ, для желающаго съ нимъ бороться, трудно придумать менѣе подходящее положеніе, нежели — человѣка, добровольно вступившаго въ казенное учебное заведеніе, организованное исключительно въ государственныхъ интересахъ и находящееся въ полномъ распоряженіи того самаго правительства, съ которымъ онъ желаетъ бороться. Поступая въ подобное учрежденіе, учащійся сознательно обязуется подчиняться установленнымъ правительствомъ порядкамъ, опредѣляющимъ всѣ условія университетской жизни, начиная съ назначенія профессоровъ и программы занятій и кончая пріобрѣтаемымъ той или другой ученой степенью чиномъ и покроемъ обязательной для учениковъ казенной ливреи. Когда люди не брезгаютъ выгодами и преимуществами, обезпечиваемыми государственною организаціею, то борьба съ этой организаціей слишкомъ съ ихъ стороны непослѣдовательна и безпочвенна для

того, чтобы быть производительной; а тѣмъ болѣе — борьба за введеніе новыхъ желаемыхъ ими порядковъ въ томъ самомъ казенномъ заведеніи, поступая въ которое, они согласились офиціально признать свое подчиненное положеніе.

И потому попытки борьбы учениковъ казенныхъ учебныхъ заведеній съ своимъ начальствомъ и правительствомъ, ради достиженія для себя различныхъ „льготъ" и „правъ", представляется намъ трогательнымъ юношескимъ увлеченіемъ, заранѣе обреченнымъ на безуспѣшность. Въ своихъ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ правительство, разумѣется, никогда не согласится ни на какія существенныя уступки, могущія сколько нибудь подорвать его власть или авторитетъ. Если же начальство отъ времени до времени и допускаетъ кое въ чемъ нѣкоторыя ничтожныя поблажки, то это обыкновенно дѣлается для отвода глазъ въ то время, какъ оно еще туже укрѣпляетъ путы во всѣхъ другихъ областяхъ.

* * *

Но если мы не видимъ главнаго значенія студенческаго движенія въ попыткахъ настоять на полученіи тѣхъ или другихъ правъ, то это вовсе не значитъ, что мы считаемъ дѣло, начатое этимъ замѣчательнымъ протестомъ юношества, въ настоящее время оконченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго развитія. Напротивъ того, мы естественно ожидаемъ продолженія этого движенія, и притомъ — не столько въ смыслѣ возобновленія раньше предъявленныхъ требованій, сколько углубленія и расширенія его задачи.

Если нѣсколько десятковъ тысячъ юношей могли сплотиться для того, чтобы, со столь изумительными единодушіемъ, энергіей и выдержанностью, выразить правительству свое негодованіе по поводу оскорбленія, нанесеннаго одной группѣ своихъ товарищей, то, — возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, — почему же имъ не увидѣть и не признать такой же своей солидарности со всѣми тѣми милліонами людей-братьевъ, которые подвергаются со стороны правительства еще въ тысячу разъ худшимъ оскорбленіямъ и притѣсненіямъ, находясь притомъ въ такихъ матеріальныхъ и умственныхъ условіяхъ, которыя не даютъ имъ возможности освободиться изъ подъ своего тяжкаго, почти непосильнаго ярма? Если учащіеся юноши, находясь въ затрудненіи, заслуживаютъ заступничества и нравственной поддержки своихъ товарищей, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ помощи тѣ люди, которые своимъ трудомъ кормятъ и содержатъ всѣхъ этихъ юношей съ ихъ семьями и со всей ихъ средой. Вѣдь эти высшія учебныя заведенія, наравнѣ со всѣми остальными правительственными учрежденіями, содержатся на средства, насильственно отбираемыя отъ рабочаго народа, въ то время какъ онъ самъ тѣмъ же правительствомъ тщательно охраняется отъ всякаго истиннаго просвѣщенія и систематически одурманивается церковно-государственнымъ обманомъ.

Не чувствуя расположенія участвовать въ господствующемъ слѣпомъ преклоненіи передъ всѣмъ тѣмъ, что облечено въ научныя ризы и освящено авторитетомъ жрецовъ современной культуры, — мы не считаемъ нужнымъ закрывать глаза на то, что преподаваемые въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ научные курсы большею частью установлены русской государственною властью для своихъ спеціальныхъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ, котораго она боится больше всего на свѣтѣ. Мы не можемъ не замѣчать и того, что успѣшное прохожденіе этихъ курсовъ до конца имѣетъ обыкновенно свойство притуплять лучшіе задатки ума и сердца, вытравляя всякую индивидуальную самобытность. Наконецъ, мы знаемъ, что громадное большинство людей, наиболѣе блистательно кончающихъ эти курсы, потомъ становится либо чиновниками-карьеристами, либо распорядителями чужимъ трудомъ въ интересахъ капитализма, — или же, въ лучшемъ случаѣ, дѣятелями, пользующимися казеннымъ жалованьемъ или доходомъ отъ буржуазныхъ классовъ для того, чтобы имѣть возможность содержать свои семьи въ сравнительномъ достаткѣ и заниматься тѣмъ, что имъ лично болѣе всего по вкусу.

Но здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ вопросовъ; и потому замѣтимъ только, что если даже и предположить, что высшее образованіе обставлено въ Россіи, какъ нельзя лучше, то этимъ все-же не устраняется вопросъ о томъ, имѣетъ ли, въ наше время, молодой человѣкъ, — уже воспользовавшійся благами (какъ онъ ихъ считаетъ), скажемъ — средняго образованія, — нравственное право продолжать накоплять дальнѣйшее умственное достояніе, тогда какъ большинство того рабочаго народа, на счетъ котораго онъ воспитывался, не имѣетъ возможности получить даже самаго элементарнаго начальнаго образованія, изнемогая подъ бременемъ каторжнаго физическаго труда и совершенно лишенное досуга, необходимаго для всякаго умственнаго развитія?

Вѣдь, умственный капитализмъ не менѣе преступенъ, а для многихъ болѣе соблазнителенъ, нежели денежный. Пріобрѣтши, по желанію своихъ воспитателей, извѣстную степень образованія, юноша, вступая въ сознательную жизнь, — если только онъ съумѣетъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи своего привилегированнаго положенія по отношенію къ рабочимъ массамъ, — сознаетъ и почувствуетъ потребность подѣлиться съ ними своими умственными богатствами вмѣсто того, чтобы эгоистически продолжать накоплять ихъ все больше и больше. Но бѣда въ томъ, что жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ ея увлекательными товарищескими и всякими кружковыми интересами, съ одной стороны, и первымъ возникновеніемъ животрепещущихъ философскихъ, соціальныхъ и тому подобныхъ вопросовъ, съ другой, — создаетъ такую обворожительную, самодовлѣющую душевную атмосферу, что дышащіе ею молодые люди и не замѣ-

чають своего совершеннаго отчужденія отъ дѣйствительной жизни своего народа. А между тѣмъ, это именно отчужденіе (вмѣстѣ, конечно, съ самимъ характеромъ проходимаго курса) создаетъ ту искусственную теоретичность, ту умственную безпочвенность, которыя представляютъ слабѣйшія стороны душевнаго развитія учениковъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эти же причины способствуютъ и тому, что лучшіе, свойственные юношескому возрасту, задатки чуткости, отзывчивости и воодушевленной энергіи расходуются на служеніе частнымъ и сравнительно ничтожнымъ интересамъ самой учащейся молодежи вмѣсто того, чтобы быть направленными туда, гдѣ безъ всякаго сравненія болѣе важные и настоятельные интересы роднаго народа взываютъ о неотложномъ участіи всѣхъ, у кого глаза открыты, и сердце на мѣстѣ.

И потому намъ кажется, что самое просвѣтительное вліяніе, оказываемое на наше юношество казенными учебными заведеніями, заключается въ обнаруженіи передъ нимъ истиннаго значенія господствующаго въ Россіи государственнаго начала и того порабощеннаго положенія, которое занимаетъ передъ этимъ началомъ русское общество и русскій народъ. А живое сознаніе этого положенія вещей лучше всего вызывается тѣми притѣсненіями, оскорбленіями и преслѣдованіями, которыя неизбѣжно выпадаютъ въ этихъ заведеніяхъ на долю лучшихъ представителей молодыхъ поколѣній. Такъ что высшій дипломъ, который можетъ получить учащійся въ подобномъ заведеніи, состоитъ въ насильственномъ изъ него исключеніи за неспособность достаточно обезличиться и отупѣть для того, чтобы удовлетворить требованіямъ начальства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выходъ, — вынужденный ли или добровольный, — изъ казеннаго учебнаго заведенія имѣетъ, на нашъ взглядъ, еще и то благотворное значеніе, что сразу ставитъ молодого человѣка, освободившагося изъ подъ правительственной опеки, лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью и тѣмъ самымъ открываетъ ему наилучшій курсъ образованія и развитія, доступный тому, кто желаетъ имъ воспользоваться.

Какъ бы то ни было, — но въ дальнѣйшее развитіе этого замѣчательнаго и отраднаго движенія среди русской учащейся молодежи мы твердо вѣримъ. Не намъ, разумѣется, браться за предсказанія о томъ, въ какую именно форму оно можетъ вылиться. Несомнѣнно только одно: что событіе это обнаружило въ молодомъ поколѣніи нашего общества прекрасные и могучіе задатки; и что, — такъ или иначе, раньше или позже, — задатки эти должны непремѣнно дать соотвѣтствующіе имъ по достоинству плоды.

В. Чертковъ.

Purleigh, 18 декабря 1899 г.

О нашихъ изданіяхъ со свѣдѣніями изъ современной жизни въ Россіи.

Мы начали новую серію нашихъ „Листковъ Свободнаго Слова", спеціально посвящаемую той сторонѣ современной русской жизни, о которой въ Россіи запрещается говорить въ печати. Къ разряду такихъ нецензурныхъ темъ, какъ извѣстно, принадлежатъ, съ одной стороны, почти всѣ наиболѣе живленные проблески развивающагося человѣческаго сознанія, всякое стремленіе отдѣльныхъ лицъ и собраній людей къ свѣту и свободѣ, каждое проявленіе пробуждающейся среди русскихъ людей потребности отстаивать свои естественныя права, свое человѣческое достоинство, требованія своей совѣсти. Сюда же, съ другой стороны, относятся всевозможныя преслѣдованія и притѣсненія людей за это самое со стороны русскаго правительства и — вообще все то, что обнаруживаетъ тѣ или другія отрицательныя стороны существующей въ Россіи государственной организаціи, какъ въ ея совокупности, такъ и въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ ея представителей.

Не съ легкимъ сердцемъ приступаемъ мы къ подобной обличительной задачѣ, для насъ лично представляющей много непривлекательнаго и тяжелаго. Побуждаемы мы единственно сознаніемъ ея важнаго значенія и нашей нравственной обязанности взяться за то, что, благодаря нашему вынужденному пребыванію заграницей, мы самими обстоятельствами призваны исполнить. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ опасностей и соблазновъ, которые неизбѣжно связаны со всякимъ разоблаченіемъ отрицательныхъ или темныхъ сторонъ человѣческой жизни.

Важнымъ мы считаемъ эту отрасль нашихъ изданій потому, что оглашеніе подобныхъ явленій вліяетъ на общественное мнѣніе, вызывая протестъ и отпоръ, безъ которыхъ невозможно ни малѣйшее улучшеніе современнаго положенія вещей.

Существованіе той или другой правительственной организаціи непосредственно зависитъ отъ подчиненія ей и поддержки ея со стороны народа; и потому всякая отставшая отъ современнаго уровня общественнаго развитія государственная форма этимъ самымъ уже приговорена къ погибели. Но одно изъ отличительныхъ свойствъ всякой олигархіи, подобной нынѣ царствующей въ Россіи, въ томъ и заключается, что кучка людей, стоящихъ у кормила правленія, вовсе не озабочена послѣдующею судьбою того государства, которому она номинально служитъ, но которое, на самомъ дѣлѣ, служитъ ей. Люди эти, при всемъ своемъ внѣшнемъ исповѣданіи преданности царю и отечеству, въ дѣйствительности хлопочутъ только о томъ, чтобы „на ихъ вѣкъ хватило", и чтобы самимъ какъ можно дольше удержаться у власти. А такъ какъ постепенный ростъ народнаго сознанія медленно вліяетъ на измѣненіе государственныхъ формъ, то, въ теченіе такой переходной эпохи, какую въ настоящее время переживаетъ русскій общественный строй, цѣлымъ поколѣніямъ правителей удается удержать въ своихъ рукахъ механизмъ государственной власти, опираясь единственно на все еще продолжающую дѣйствовать инерцію прежнихъ общественныхъ требованій. Понятно, что правительство, подобное нынѣшнему русскому, старающееся во что бы то ни стало удержаться на такой шаткой почвѣ и неумѣющее или нежелающее подаваться впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго сознанія, — самыми условіями своего существованія поставлено въ необходимость, ради самосохраненія, постоянно лицемѣрить, лгать и обманывать, больше всего на свѣтѣ опасаясь разглашенія правды, которая обнаружила бы слишкомъ наглядно его отсталость и несостоятельность.

А между тѣмъ, если желательно, чтобы лучшія общественныя формы замѣнили, наконецъ, тѣ отжившія, отъ которыхъ такъ страдаетъ весь русскій народъ, то необходимо, чтобы этотъ народъ, — чтобы мы перестали сами поддерживать существующій государственный строй. А для этого нужно прежде всего, чтобы столь старательно оберегаемые правительствомъ искусственные покровы сняли съ этого строя, разоблачая его передъ всеобщимъ взоромъ во всей его безобразной и отталкивающей наготѣ.

Содѣйствовать этому можемъ всѣ мы и каждый изъ насъ, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время: нужно только имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза и называть вещи ихъ именами. Если нельзя дѣлать этого черезъ посредство легальной печати, за то вполнѣ возможно дѣлать это посредствомъ слова, которое, не поддаваясь никакимъ внѣшнимъ стѣсненіямъ, имѣетъ несравненно большее просвѣтительное значеніе, чѣмъ печатная литература, когда ей приходится примѣняться къ правительственнымъ требованіямъ.

Мы же, съ своей стороны, будучи заграницей въ состояніи заниматься свободнымъ издательствомъ, желали бы этимъ путемъ принимать посильное участіе въ общемъ дѣлѣ, предавая болѣе широкой гласности все то, что въ Россіи такъ тщательно скрывается тѣми, кому выгоднѣе ложь, нежели истина

Грозящая намъ при этомъ опасность, — отъ которой не всегда удавалось уберечь себя нашимъ предшественникамъ на этомъ же самомъ поприщѣ, — лежитъ въ томъ, что, изображая, на основаніи получаемыхъ изъ Россіи корреспонденцій, отрицательныя стороны русской правительственной дѣятельности, легко быть введенными въ заблужденіе пристрастными сообщеніями, невѣрно или преувеличенно описывающими факты. Во избѣжаніе такой ошибки, которая, разумѣется, подрывала бы довѣріе общества къ этому отдѣлу нашихъ изданій и предоставила бы въ руки нашимъ противникамъ оружіе противъ насъ, — мы намѣрены быть крайне разборчивыми въ выборѣ нашего матеріала, пользуясь лишь тѣми извѣстіями, на достовѣрность которыхъ мы имѣемъ основаніе положиться, или указывая на печатный источникъ, изъ котораго мы почерпнули то или другое сообщеніе; или же, наконецъ, дѣлая оговорку, что не имѣли возможности провѣрить точность сообщаемаго. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, паче чаянія, въ наши столбцы будутъ проскальзывать сколько нибудь неточныя свѣдѣнія, мы всегда будемъ рады помѣщать поправки и опроверженія, получаемыя нами изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Предстоящій намъ соблазнъ мы предусматриваемъ въ естественной склонности, — узнавая и повѣствуя о возмутительныхъ преступленіяхъ, на каждомъ шагу совершаемыхъ въ Россіи представителями власти, — заражаться чувствомъ озлобленія противъ тѣхъ людей, черезъ которыхъ совершается это зло. Мы хорошо понимаемъ, что, отдаваясь чувству недоброжелательства, злобы или ненависти къ отдѣльнымъ личностямъ, только подливаешь масло въ огонь той вражды и того взаимнаго непониманія, которыя служатъ одними изъ главныхъ источниковъ обличаемаго зла. Отъ подобнаго искушенія мы, впрочемъ, отчасти обезпечены тѣмъ обстоятельствомъ, что, сами принадлежа, по рожденію, воспитанію и прежней дѣятельности, къ той именно средѣ, изъ которой преимущественно вербуются представители правительственнаго произвола, — мы хорошо знаемъ, какими роковыми путями люди доходятъ до исполненія этой ужасной роли, и насколько, въ сущности, невмѣняемы эти несчастныя жертвы развращающаго вліянія государственной системы.

Мы знаемъ, что большинство правительственныхъ служащихъ дѣйствительно отличается недобросовѣстностью, корыстолюбіемъ и жестокостью; но знаемъ также и то, что оно дошло до этого состоянія не по своей волѣ, но было до него доведено незамѣтно и неизбѣжно всею тою ложью, въ которой оно было воспитано. Мы не можемъ, поэтому, не сознавать, что было бы столь же неразумно осуждать этихъ людей въ ихъ душевномъ убожествѣ, какъ осуждать калѣку въ его физическомъ уродствѣ.

Среди общей массы недобросовѣстныхъ правителей, кое-гдѣ мелко разсыпана горсточка такихъ представителей власти, которые искренно считаютъ себя свыше призванными къ занимаемому ими положенію и убѣждены, что употребляютъ свою власть на служеніе Богу и людямъ, — горсточка, къ которой, у насъ въ Россіи, обыкновенно принадлежитъ и тотъ верховный представитель государства, отъ имени котораго совершаются всѣ правительственные ужасы и безобразія. Люди эти поистинѣ жалки въ своемъ заблужденіи, одиночествѣ и безсиліи. Лишенные возможности всякаго непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью и вынужденные все разсматривать сквозь призму подтасованныхъ и лживыхъ офиціальныхъ донесеній, вѣчно обманываемые и ослѣпленные самыми неимовѣрными иллюзіями, — они, по условіямъ своего положенія, служатъ только безсознательными ширмами, прикрывающими совершаемое вокругъ нихъ зло, исправить которое, по собственной иниціативѣ, они не имѣютъ никакой возможности, не выйдя изъ того государственнаго механизма, съ которымъ они неразрывно связаны. Искренно жалѣя этихъ людей, мы были бы рады, еслибъ сообщаемыя въ нашихъ изданіяхъ свѣдѣнія помогли хоть нѣкоторымъ изъ нихъ, увидавъ уголочекъ той дѣйствительной жизни, о которой имъ такъ настойчиво внушаются совершенно превратныя понятія, выйти изъ того ложнаго положенія, въ которомъ они находятся.

Но сознаніе того, что совершающіе зло, заблудшіе люди-братья заслуживаютъ жалости, а не злобы, нисколько не можетъ и не должно охлаждать наше возмущеніе противъ тѣхъ отвратительныхъ преступленій, которыя повсемѣстно и непрерывно совершаются русскимъ правительствомъ надъ русскими людьми. Имѣя возможность обличать это зло и протестовать противъ него, мы были бы отвѣтственными участниками въ немъ, еслибъ оставались пассивными его зрителями. Правительственныя злодѣянія ужасны; но еще ужаснѣе, еще преступнѣе было бы наше равнодушіе къ нимъ.

Живое и неотступное сознаніе этой лежащей на насъ нравственной отвѣтственности и побудило насъ приступить къ настоящему отдѣлу нашихъ изданій.

В. Чертковъ.

Purleigh, октябрь 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Сборника „Студенческое Движеніе 1899 года“, составленнаго подъ редакціей А. и В. Чертковыхъ.

